

Брехт Бертольд

Что тот солдат, что этот

Бертольд Брехт

Что тот солдат, что этот

Превращение грузчика Гэли Гэя

в армейском лагере Килькоа в 1925 году

Комедия

В сотрудничестве с Э. Бурри, З. Дудовым, Э. Гауптман, К. Неером, Б. Райхом

Перевод Л. Копелева

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Уриа Шелли |

Джесси Махони } солдаты пулеметной роты

Полли Бейкер } английских войск в Индии.

Джерайа Джип |

Чарлз Ферчайлд, по прозвищу Кровавый пятерик, сержант.

Гэли Гэй, грузчик ирландец.

Жена Гэли Гэя.

Господин Ван, бонза в тибетской пагоде.

Ма Син, служка в пагоде.

Леокадия Бегбик, владелица трактира.

Солдаты.

Три тибетца.

I

Килькоа.

Гэли Гэй и его жена.

Гэли Гэй (однажды утром, сидя на стуле, говорит жене). Дорогая жена, сегодня я решил, сообразуясь с нашими доходами, купить рыбу. Такая покупка не превысит бюджета грузчика, который не пьет, очень мало курит и почти вовсе лишен страстей. Как ты полагаешь, - купить ли мне большую рыбу, или, может быть, ты предпочла бы малую?

Жена. Купи малую.

Гэли Гэй. Но какую именно рыбу хотела бы ты?

Жена. Пожалуй, хорошую камбалу. Но только берегись торговки рыбой, Гэли Гэй; они очень падки на мужчин, а у тебя слабый характер.

Гэли Гэй. Ты права, но я надеюсь, что они не станут задевать бедняка грузчика.

Жена. Ты как слон. Это самое тяжелое на подъем из всех животных, но, когда разбежится, может обогнать поезд. А ведь там на базаре еще и солдаты. Это самые опасные люди на земле. Говорят, что их несчетное множество прибывает на вокзал. И, уж конечно, они толкнутся на базаре и хорошо еще, если не грабят и не убивают. С ними тоже опасно встречаться тому, кто один, ведь они-то всегда ходят вчетвером.

Гэли Гэй. А что им взять с простого портового грузчика?

Жена. Заранее не придумайшь.

Гэли Гэй. Поставь на очаг воду для рыбы, а то мне уже хочется есть. Думаю, что вернусь через десять минут.

II

Улица у пагоды Желтого бога. Четыре солдата остановились у пагоды. Слышна музыка военных оркестров: в город входят войска.

Джесси. Отделение - стой! Это Килькоа. Мы находимся в городе ее величества, именуемом Килькоа. Именно в этом городе сосредоточивается армия, чтобы начать давно уже предусмотренную войну. Мы прибыли сюда в числе ста тысяч солдат и жаждем навести порядок на северных границах.

Джип. Для этого необходимо пиво. (Падает от усталости.)

Полли. Для того чтобы могучие танки нашей королевы могли проходить по трижды проклятым дорогам этой слишком пространной золотой страны, их нужно заправлять бензином. Вот так и солдатам необходима заправка пивом.

Джип. Сколько пива у нас еще осталось?

Полли. Нас четверо. А мы имеем всего только пятнадцать малых бутылок. Значит, нужно раздобыть еще двадцать пять бутылочек.

Джесси. Для этого нужны деньги.

Уриа. Существуют люди, которые всегда почему-то недовольны солдатами. А ведь вот в одной такой пагоде больше монет, чем требуется личному составу целого полка, чтобы добраться из Калькутты в Лондон.

Полли. Этот намек нашего дорогого Уриа на некую почти развалившуюся и загаженную мухами, но, вероятно, набитую монетой пагоду вполне достоин того, чтобы мы над ним серьезно задумались.

Джип. Что касается меня, Полли, то я должен побольше выпить.

Уриа. Успокойся, дитя мое, в этой Азии найдется щель, через которую можно пробраться.

Джип. Эх, Уриа, Уриа, моя мамаша частенько мне говорила: ложка дегтю портит бочку меду - делай все что вздумается, драгоценный мой Джерайя, но только опасайся дегтя. А здесь пахнет дегтем.

Джесси. Дверь лишь прикрыта, а не заперта. За этим кроется какая-то чертовщина.

Уриа. Но в эту незапертую дверь не стоит заходить.

Джесси. Да и незачем, ведь есть окна. Уриа. Свяжем из наших ремней удочку и поудим в ларе для пожертвований. Вот так.

Солдаты устремляются к окнам. Уриа разбивает одно из них, заглядывает внутрь и закидывает ремни.

Полли. Ну что, подцепил что-нибудь?

Уриа. Нет, уронил каску.

Джесси. Черт подери. Не можешь ведь ты возвращаться в лагерь без каски!

Уриа. Ну и занятые же вещи попадают на крючок. Страшное, однако, здесь местечко. Поглядите! Крысоловки. Капканы.

Джесси. Давай лучше бросим все это. Здесь не обычная пагода, а ловушка.

Уриа. Пагода как пагода. А каску я должен оттуда вытащить.

Джесси. Ты достанешь до нее?

Уриа. Нет.

Джесси. А может, я попытаюсь приоткрыть дверь, здесь только запор приподнять...

Полли. Гляди чтоб не повредить пагоду.

Джесси. Ой-ой-ой!

Уриа. Что с тобой?

Джесси. Руку прищемило!..

Полли. Давайте бросим все это!

Джесси (возмущенно). Бросим? А моя рука? Я не могу руку вытащить!

Уриа. И моя каска тоже там.

Полли. Значит, нужно пробивать стенку.

Джесси. Ой-ой-ой! (Выдергивает окровавленную руку.) За это они мне заплатят. Теперь уж я не отстану. Тащите сюда лестницу!

Уриа. Стой! Сдайте сначала паспорта! Военные паспорта не должны подвергаться опасности. Любого солдата можно всегда заменить, но если нет паспорта, то, значит, нет уже

ничего святого.

Все отдают ему паспорта.

Полли. Полли Бейкер.

Джесси. Джесси Махони.

Джип (подползает). Джерайа Джип,

Уриа. Уриа Шелли. Все из восьмого полка. Расположение Канкердан. Пулеметная рота. Огня не открывать, чтобы не оставлять видимых повреждений. Вперед марш!

Уриа, Джесси и Полли забираются в пагоду.

Джип (кричит вдогонку). Я здесь покараулю! И если что не так, то я, во всяком случае, внутрь не лазил!

Вверху в смотровом отверстии появляется желтое лицо бонзы Вана.

Здравствуйте! Должно быть, вы господин владелец? Красивая здесь местность.

Уриа (изнутри пагоды). Дай-ка мне твой нож. Джесси, я вскрою ларь для жертвований.

Ван улыбается, и Джип улыбается в ответ.

Джип (обращаясь к Вану). Знаете ли, это ужасно, что приходится общаться с такими скотами.

Лицо скрывается.

Эй вы там, выходите! Во втором этаже кто-то есть.

Изнутри доносится прерывистый звон электрических звонков.

Уриа. Гляди куда ступаешь! Что там случилось, Джип?

Джип. Во втором этаже кто-то ходит.

Уриа. Ходит? Всем удирать! Сматывайся!

Все трое (внутри пагоды кричат и ругаются, перебивая друг друга). Убери ногу. - Да отпусти же меня! Я не могу ногой шевельнуть! - Эх, пропал башмак! - Не дрейфь, Полли! Ни в коем случае. - Ну вот, а теперь и куртка видишь, Уриа! - Да черт с ней, с курткой! Будь она проклята, эта пагода! Что там еще случилось? - Эх, теперь штанами зацепился. Это все из-за спешки! Что за осел этот Джип!

Джип. Нашли вы наконец что-нибудь? Виски? Ром? Джин? Бренди? Пиво?

Джесси. Уриа распорол штаны о бамбуковый крюк, а Полли оставил башмак в капкане; хорошо хоть нога цела.

Полли. А Джесси повис на электрической проводке.

Джип. Так я и думал. Почему вы не вошли в дом как положено, через дверь? (Входит в дверь.)

Остальные трое вылезают на крышу, бледные, растерзанные и окровавленные.

Полли. За это следует отомстить.

Уриа. Здесь нарушают правила честной войны. Это свинство.

Полли. Крови жажду.

Джип (изнутри). Эй!

Полли (в ярости идет по крыше; застревает обутой ногой). Эх, пропал и второй башмак.

Уриа. Расстреляю все ко всем чертям!

Все трое спускаются вниз и наводят пулемет на пагоду.

Полли. Огонь!

Стреляют.

Джип (изнутри). Ой-ой! Что вы делаете?

Все трое в ужасе смотрят вверх.

Полли. Где ты там?

Джип (изнутри). Я здесь! Вы мне палец прострелили.

Джесси. Какого же дьявола ты полез в эту крысоловку, болван?

Джип (появляясь в дверях). Я пошел за деньгами. Вот они.

Уриа (радостно). Самый пьяный из нас, разумеется, и самый удачливый. (Громко.) А теперь выходи поскорее через эту же дверь.

Джип (высовывая голову). Что ты говоришь?

Уриа. Выходи через эту же дверь!

Джип. Ой, что это?

Полли. Что с ним такое?

Джип. Смотрите, смотрите, что случилось!

Уриа. Что там еще?

Джип. Волосы! Ой-ой, мои волосы! Я не могу двинуться ни вперед, ни назад! Волосы за что-то зацепились! Уриа, посмотри, что это держит меня за волосы! Ой, Уриа, помоги! Я повис на волосах!

Полли (на носках осторожно подходит к Джипу и сверху осматривает его голову). Его волосы зацепились за притолоку.

Уриа (орет). Давай сюда нож, Джесси, я отрежу его! (Режет.)

Джип, шатаясь, вываливается из двери.

Полли (удивленно и весело). А теперь у него плешь.

Они осматривают голову Джипа.

Джесси. На темени не хватает лоскута кожи.

Уриа (глядит на обоих и говорит холодно). Такая плешь может нас выдать.

Джесси (смотрит пронзительно). Ходячая улика.

Уриа, Джесси и Полли совещаются шепотом.

Уриа. Мы сходим в лагерь, достанем ножницы, вернемся к вечеру и острижем его наголо, так, чтоб плешь не была заметна. (Раздает паспорта.) Джесси Махони!

Джесси (принимая паспорт). Джесси Махони!

Уриа. Полли Бейкер!

Полли (принимая паспорт). Полли Бейкер!

Уриа. Джерайа Джип!

Джип пытается приподняться.

Твой паспорт останется у меня. (Показывает на паланкин, стоящий в стороне.) Забирайся в эту кожаную будку и сиди здесь до вечера, пока стемнеет!

Джип вползает в паланкин. Трое солдат уходят, покачивая головой, понурые, обескураженные. Когда они скрываются, из дверей пагоды выходит бонза Ван; снимает пучок волос с притолоки и рассматривает его.

III

Дорога, ведущая из Килькоа в военный лагерь.

Сержант Ферчайлд выходит из-за сарая и приколачивает к стенке плакат.

Ферчайлд. Давненько мне не приходилось удивляться, ведь я - Кровавый пятерик, прозванный еще и тигром из Килькоа, я тайфун в образе человека, облаченный в мундир сержанта британской армии. (Тычет пальцем в плакат.) Нападение на пагоду Желтого бога. Крыша пагоды Желтого бога изрешечена пулями. Нападавшие оставили след - четверть фунта волос, прилипших к дегтю. Крыша изрешечена, и это означает, что действовали пулеметчики. Так как на месте преступления осталось четверть фунта волос, значит, должен быть солдат, у которого их недостает. Следовательно, если в одном из отделений пулеметной роты обнаружится солдат с вырванным клоком волос, то, значит, он и его отделение являются искомыми преступниками. Все очень просто. Кто это идет? (Прячется за сараем.)

Подходят трое приятелей, испуганно рассматривают плакат. Идут дальше понурившись. Ферчайлд выходит из укрытия, достает свисток, свистит. Солдаты останавливаются.

Ферчайлд. Вы не видали солдата с плешью?

Полли. Нет.

Ферчайлд. Что у вас за вид? Снять каски. Где ваш четвертый?

Уриа. Он пошел оправиться, сержант.

Ферчайлд. Коли так, подождем его. Может быть, он встречал солдата с плешью.

Ждут. Долго же он оправляется.

Джесси. Так точно.

Все молча ждут.

Полли. А может, он пошел другой дорогой?

Ферчайлд. Вот что я вам скажу, парни. Вы пожалеете о том, что не перестреляли друг дружку еще во чреве матери, если сегодня на вечернюю поверку вы явитесь без четвертого. (Уходит.)

Полли. Неужели это наш новый сержант? Если эта гремучая змея и впрямь будет проводить сегодня вечернюю поверку, то нам лучше сразу же становиться к стенке.

Уриа. Мы должны раздобыть себе четвертого еще до того, как затрубят к вечерней поверке.

Полли. Вон идет какой-то человек. Давайте незаметно последим за ним.

Прячутся за сараем. По дороге идет вдова Бегбик. Вслед за ней Гэли Гэй несет корзину с огурцами,

Бегбик. Не пойму, что вам еще нужно, ведь я заплачу вам по часам.

Гэли Гэй. Уже прошло три часа.

Бегбик. Не бойтесь, не пропадут ваши деньги. А дорога здесь пустынная, редко кто ходит. И одинокой женщине трудно было бы сопротивляться, если бы к ней стали приставать.

Гэли Гэй. Но вы ведь хозяйка походного трактира и, значит, постоянно имеете дело с самыми опасными людьми в мире - с солдатами. Вы-то уж, наверно, знаете все необходимые приемы.

Бегбик. Ах, сударь мой, не следует так говорить с женщиной. Это именно те слова, которые возбуждают внезапное кипение женской крови.

Гэли Гэй. Ну что вы, я ведь простой портовый грузчик.

Бегбик. Слышите, бьют барабаны к вечерней поверке всех новоприбывших. Поверка начнется через несколько минут. Теперь никто не пройдет по дороге.

Гэли Гэй. Но если уже так поздно, то я должен сразу же возвратиться в Килькоа, и притом спешно. Мне еще нужно успеть купить рыбу.

Бегбик. Позвольте вас еще кое-что спросить, господин Гэли Гэй, - ведь я правильно произношу ваше имя? Скажите, для того чтобы стать грузчиком, нужно действительно быть очень сильным?

Гэли Гэй. Вот не думал, что и сегодня я задержусь на добрых четыре часа из-за всяких непредвиденных дел. Собирался купить рыбу и поскорее вернуться домой. Но зато уж, если я разбежусь, то перегоню и курьерский поезд.

Бегбик. Что и говорить, это совершенно разные вещи - купить ли рыбу для жратвы или оказать помощь даме. Но, может быть, дама сумеет вас так отблагодарить, что это доставит вам удовольствие не меньшее, чем самая вкусная рыба.

Гэли Гэй. По правде говоря, я предпочитаю купить рыбу.

Бегбик. Неужели вы так цените материальные блага?

Гэли Гэй. Да, знаете ли, я очень странный человек. Иной раз уже с самого утра, едва проснувшись, я уже знаю, что в этот день мне захочется рыбы. Или, скажем, рису с мясом. И тогда я должен раздобыть рыбу или, скажем, рису во что бы то ни стало; хоть весь мир наизнанку выверну, а добуду.

Бегбик. Я вас понимаю, сударь. Но не кажется ли вам, что сейчас уже поздно? Все лавки закрыты и рыба распродана.

Гэли Гэй. Видите ли, я человек с богатым воображением и могу наслаждаться рыбой даже до того, как ее куплю. Вот пойдет кто другой за рыбой, купит ее сперва, потом принесет домой, потом сварит эту рыбу, наестся как следует и потом ночью, когда уже брюхо очистит, все еще поминает эту бедную рыбу. Почему так? А потому что он человек без воображения.

Бегбик. Я вижу, вы думаете только о себе. (Пауза.) Ну вот что. Раз уж вы можете думать только о себе, то я предлагаю вам на те деньги, что вы хотели потратить на рыбу, купить вот этот огурец. Я уступлю вам его просто из любезности. Правда, огурец дороже, но разницу в цене будем считать платой за то, что вы поднесли мне корзину.

Гэли Гэй. Но мне вовсе не нужен огурец.

Бегбик. Не ожидала, что вы так меня осрамите.

Гэли Гэй. Но, видите ли, у меня дома уже вода поставлена для рыбы, только поэтому я не могу иначе.

Бегбик. Понятно. Понятно. Как вам будет угодно. Пусть все будет как вам угодно.

Гэли Гэй. Но поверьте мне, я охотно пошел бы вам навстречу.

Бегбик. Молчите уж лучше, а то вы каждым словом усугубляете свою невежливость.

Гэли Гэй. Право же, мне очень не хочется вас огорчать. И если вы все же не откажетесь продать мне огурец, то вот деньги.

Уриа (обращаясь к Джесси и Полли). Этот парень из тех, кто неспособен говорить "нет".

Гэли Гэй. Берегитесь, тут солдаты.

Бегбик. Не представляю себе, что им тут еще делать; вот-вот должна начаться проверка. Давайте скорее мою корзину. Я вижу, что только попусту трачу время, болтая с вами. Но я буду рада, если вы зайдете какнибудь в мой вагон, там, в лагере. Чтоб вы знали - я вдова Бегбик, владелица походного трактира. Мой вагон известен везде от Хайдарабада до Рангуна. (Забирает корзину и уходит.)

Уриа. Он именно тот, кто нам нужен.

Джесси. Он неспособен сказать "нет".

Полли. К тому же он еще и рыжий, как наш Джип.

Трое солдат выходят из укрытия.

Джесси. Какой прекрасный вечер!

Гэли Гэй. Так точно, сударь.

Джесси. Вам это может показаться странным, сударь, но меня внезапно осенила мысль, что вы, должно быть, пришли из Килькоа.

Гэли Гэй. А почему бы и нет? Разумеется, из Килькоа. Поскольку там, так сказать, моя хижина...

Джесси. Я очень рад этому, господин...

Гэли Гэй. Гэли Гэй.

Джесси. Да-да, как же. Ведь именно там ваша, так сказать, хижина. Не правда ли?

Гэли Гэй. Вам и это известно? Откуда же вы меня знаете? Или, может быть, вы знаете мою жену?

Джесси. Как же, как же... Ведь вас зовут - минуточку... Гэли Гэй.

Гэли Гэй. Совершенно правильно, именно так меня и зовут.

Джесси. Вот видите, я сразу же узнал вас. Такой уж я человек. Готов, например, держать пари, что вы женаты. Но почему это мы стоим здесь? Господин Гэли Гэй, позвольте представить вам моих приятелей - Полли и Уриа. Позвольте пригласить вас в нашу столовую. Посидим, покурим трубочки.

Пауза.

Гэли Гэй (недоверчиво оглядывает солдат). Весьма благодарен. Но, к сожалению, там в Килькоа меня ждет жена. И к тому же - хоть это и может показаться вам смешным, - но у меня нет трубки.

Джесси. В таком случае позвольте вам предложить сигару. Надеюсь, вы не откажете нам. В такой прекрасный вечер.

Гэли Гэй. Тут уж я никак не могу сказать "нет".

Полли. И вы получите отличную сигару.

Все четверо уходят.

IV

В трактире вдовы Леокадии Бегбик.

Солдаты (поют "Песню о вагоне-пивной вдовы Бегбик").

У вдовы Бегбик пивной вагон.

Пей и отсыпайся в нем хоть двадцать лет подряд,

Пока разъезжает без устали он
Из Сингапура в Куч-Бихар, туда и вновь назад.
От Дели до Каматкура
Гуляй с утра и до утра.
И если парня долго встречать не довелось,
То, значит, едет он с вдовой
В компании хмельной,
Минуя небо стороной и через ад насквозь.
Не зазевайся, Томми, держись покрепче, Томми,
Когда летишь с пивной горы под ромовый откос.
У вдовицы Бегбик получишь без труда
Все, чего бы только себе не пожелал.
Ее вагон по Индии катил уже, когда
Ты еще не виски, а молочко сосал.

От Дели до Каматкура
Гуляй с утра и до утра.
И если парня долго встречать не довелось,
То, значит, едет он с вдовой
В компании хмельной,
Минуя небо стороной и через ад насквозь.
Не зазевайся, Томми, держись покрепче, Томми,
Когда летишь с пивной горы под ромовый откос.

А грянет в джунглях снова бой,
Танки нам заменит этот же вагон.
И в дыму табачном и в пене пивной
Мы на нем объездим фронт со всех сторон.

От Дели до Каматкура
Гуляй с утра и до утра.
И если парня долго встречать не довелось,
То, значит, едет он с вдовой
В компании хмельной,
Минуя небо стороной и через ад насквозь.
Не зазевайся, Томми, держись покрепче, Томми,
Когда летишь с пивной горы под ромовый откос.

Бегбик (входя). Добрый вечер, господа военные. Я вдова Бегбик, и это мой вагон с походной пивной, который прицепляют ко всем крупным воинским составам и он разъезжает по всем железным дорогам Индии. Здесь можно и пиво пить и одновременно ехать по назначению. Можно и спать. Называется он "Вагон-пивная вдовы Бегбик" и прославлен везде от Хайдарабада до Рангуна как убежище для многих обиженных судьбой солдат.

В дверях появляются трое солдат и Гэли Гэй, которого они оттесняют назад.

Уриа. Скажите, это столовая восьмого полка?

Полли. Имеем ли мы честь беседовать с владелицей походного ресторана, со всемирно прославленной вдовой Бегбик? Мы - пулеметное отделение восьмого полка.

Бегбик. Да, это я. Вас только трое? А где же четвертый?

Не отвечая, они входят в помещение, поднимают два стола и несут их в левую сторону сцены, где воздвигают своеобразное заграждение. Все остальные посетители с удивлением следят за ними.

Джесси. Что за человек этот новый сержант?

Бегбик. Не слишком любезен.

Полли. Нам это очень неприятно, что сержант нелюбезен.

Бегбик. Его прозвище Кровавый пятерик, к тому же его зовут еще тигром из Килькоа и тайфуном в образе человека. У него сверхчеловеческий нюх, он издалека чует запах

преступления.

Джесси, Полли и Уриа переглядываются.

Уриа. Вот как.

Бегбик (обращаясь к сидящим за столиками). Это прославленное пулеметное отделение, то самое, что решило исход боя у Хайдарабада, а прозвали их подонками.

Солдаты. Теперь они с нами, И все их грехи пусть идут за ними, как их тени.

Солдат вносит объявление-плакат, извещающий о розыске преступников, и приколачивает его к стене.

Стоит им появиться, как сразу снова вывешивают такой плакат!

Все посетители встали со своих мест; они медленно покидают сцену. Уриа свистит.

Гэли Гэй (входит). Знаю я эти заведения. Харчи с музыкой. На столах меню. В отеле "Сиам" роскошное меню - белое с золотом. Я купил себе одно. Когда есть связи, можно ведь все достать. Там, знаете ли, имеется соус чикаука. И этот соус чикаука еще не из самых изысканных блюд.

Джесси (оттесняя Гэли Гэя к заграждению из столов). Сударь, вы можете помочь трем бедным солдатам, которые попали в очень затруднительное положение. Вы можете оказать нам небольшую услугу, которая для вас не составит труда.

Полли. Дело в том, что наш четвертый товарищ опоздал - задержался, прощаясь с женой, - и если во время вечерней проверки нас не будет четверо, то мы попадем в самую мрачную из тюрем Килькоа.

Уриа. Вы бы нам очень помогли, если бы надели один из наших мундиров и при проверке новоприбывших стояли бы в шеренге и назвали себя его именем. Это чистая формальность для порядка.

Джесси. И на этом бы все и закончилось.

Полли. А если вы пожелаете выкурить лишнюю сигару за наш счет, то это для нас никакого значения не имеет.

Гэли Гэй. Я, разумеется, охотно оказал бы вам услугу, но дело в том, что я, к сожалению, должен спешить домой. Я купил огурец на ужин и, как бы ни хотел, не могу остаться.

Джесси. Благодарю вас. По правде говоря, я как раз именно этого и ожидал от вас, то есть что вы не можете, даже когда хотите. Вы хотели бы попасть домой, но не можете этого сделать. Очень благодарен вам, сударь, за то, что вы оправдали наше доверие. Мы прониклись доверием к вам, едва лишь вас увидели. Вашу руку, сударь. (Хватает руку Гэли Гэя.)

Повелительным жестом Уриа заставляет Гэли Гэя отойти в угол за столами. Едва он там оказывается, трое солдат набрасываются на него и раздевают его до белья.

Уриа. Итак, для того, о чем мы уже говорили, позвольте нам надеть на вас почетный мундир великой британской армии. (Звонит в колокольчик.)

Входит вдова Бегбик.

Вдова Бегбик, можно с вами говорить откровенно? Нам нужен полный комплект обмундирования.

Вдова Бегбик достает картонку и бросает ее Уриа. Схватив картонку на лету,

Уриа перебрасывает ее Полли.

Полли (обращаясь к Гэли Гэю). Вот он, почетный мундир, который мы для вас приобрели.

Джесси (протягивая штаны). Надень-ка это, брат мой Гэли Гэй.

Полли (обращаясь к вдове Бегбик). Дело в том, что он потерял свое обмундирование.

Все втроем одевают Гэли Гэя.

Бегбик. Вот как, он потерял обмундирование.

Полли. Да-да, в купальне. Там один китаец подстроил так, что наш товарищ Джип лишился своего солдатского обмундирования.

Бегбик. Вот как, в купальне?

Джесси. Давайте начистоту, вдова Бегбик. Дело в том, что мы затеяли шутку.

Бегбик. Вот как, шутку?

Полли. Не правда ли, сударь? Ведь речь идет о шутке.

Гэли Гэй. Да, речь идет, так сказать, о... сигаре. (Смеется.)

Трое солдат смеются вместе с ним.

Бегбик. О, как беспомощна слабая женщина перед четырьмя такими сильными мужчинами! Нет, никто не сможет упрекнуть вдову Бегбик в том, что она помешала мужчине сменить штаны. (Отходит в глубину сцены и пишет на доске мелом: "Одна пара штанов, одна куртка, две портянки и т. д.")

Гэли Гэй. Что же это все-таки значит?

Джесси. Ничего. Совершенно ничего.

Гэли Гэй. А не опасно, если это откроется?

Полли. Нисколько. Тем более для вас. Ведь один раз не считается.

Гэли Гэй. Да, это правильно. Один раз не считается. Так говорят.

Бегбик. За обмундирование прошу по пять шиллингов в час.

Полли. Да вы с нас шкуру сдираете. Не больше трех.

Джесси (смотрит в окно). Собираются дождевые тучи. Если теперь пойдет дождь, то паланкин промокнет, а если паланкин промокнет, то его заберут в пагоду. А если его заберут в пагоду, то в нем обнаружат Джипа. А если обнаружат Джипа, то мы все пропали.

Гэли Гэй. Маловат для меня, никак не напялю.

Полли. Вы слышите, он говорит, что мундир мал.

Гэли Гэй. И башмаки жмут ужасно.

Полли. Все слишком мало. Совершенно непригодно! Два шиллинга!

Уриа. Молчи, Полли. И так, четыре шиллинга за то, что все слишком мало, и особенно потому, что башмаки жмут, не так ли?

Гэли Гэй. Очень жмут. Ужасно жмут.

Уриа. Этот господин вовсе не такая размазня, как ты, Полли!

Бегбик (отзывает Уриа в сторону и ведет его к плакату). Час тому назад по всему лагерю развесили эти плакаты. В них написано, что совершено воинское преступление. Еще неизвестно, кто виновные. И этот мундир я только потому оценила в пять шиллингов, чтобы ваша рота не оказалась замешанной в преступлении.

Полли. Четыре шиллинга и то слишком дорого.

Уриа (выходит опять на авансцену). Замолчи, Полли. Десять шиллингов.

Бегбик. Такой уж порядок. В пивном салоне вдовы Бегбик отчищается любое пятно, которое могло бы запятнать честь роты.

Джесси. Как вы думаете, вдова Бегбик, будет дождь или нет?

Бегбик. Чтоб ответить, следовало бы поглядеть на сержанта, которого зовут Кровавый пятерик. Всей армии известно, что во время дождя он приходит в состояние необычайно обостренной чувственности, и тогда у него все изменяется, и внешность и характер.

Джесси. Дело в том, что для успеха нашей шутки никак нельзя допускать дождя.

Бегбик. Напротив. Ведь именно во время дождя Кровавый пятерик - этот самый опасный человек во всей британской армии - становится смиреннее теленка. Когда на него нападает приступ чувственности, он уже не замечает ничего вокруг себя.

Солдат (заглядывает в дверь и кричит). Выходи на особую поверку по случаю ограбления пагоды. Говорят, что одного недостает. Всех будут вызывать поименно и просматривать паспорта.

Уриа. Паспорт!

Гэли Гэй (став на колени, складывает свои вещи). Я всегда слежу за своими вещами.

Уриа (обращаясь к Гэли Гэю). Вот ваш паспорт. Вы должны будете только выкрикнуть фамилию нашего товарища. Как можно более громко и отчетливо. Это очень просто.

Полли. Нашего пропавшего товарища зовут Джерайа Джип! Джерайа Джип!

Гэли Гэй. Джерайа Джип!

Уриа (на ходу обращается к Гэли Гэю). Очень приятно познакомиться с образованным человеком, который умеет себя вести в любом положении.

Гэли Гэй (задерживаясь в дверях). А как же с чаевыми?

Уриа. Бутылка пива. Пошли.

Гэли Гэй. Господа, моя профессия грузчика требует способности находить выход из любого положения. Поэтому я представляю себе так: две коробки сигар и четыре или пять бутылок пива.

Джесси. Но необходимо, чтобы вы были имеете с нами на поверке.

Гэли Гэй. Вот именно.

Полли. Ладно. Пусть две коробки сигар и три или четыре бутылки пива.

Гэли Гэй. Три коробки и пять бутылок.

Джесси. Как же так? Вы только что просили две коробки.

Гэли Гэй. Если вы еще станете торговаться, то будет уже пять коробок и восемь бутылок.

За сценой слышен сигнал горниста.

Уриа. Надо выходить.

Джесси. Ладно, будь по-вашему. Но только если вы сейчас же выйдете вместе с нами.

Гэли Гэй. Ладно. Уриа. Итак, как же вас зовут? Гэли Гэй. Джип! Джерайа Джип! Джесси. Лишь бы только не было дождя!

Все четверо уходят. Вдова Бегбик начинает натягивать над своим вагоном брезентовый навес.

Полли (возвращается). Вдова Бегбик, мы слыхали, что сержант становится особенно чувственным во время дождя, а сейчас пойдет дождь. Позаботьтесь о том, чтобы в ближайшие часы он не замечал ничего происходящего вокруг себя, не то нам грозит разоблачение. (Уходит.)

Бегбик (смотрит ему вслед). Парень, которого они повели, вовсе не Джип. Ведь это грузчик Гэли Гэй из Килькоа. В шеренге перед Кровавым пятериком окажется человек, который вовсе и не солдат. (Берет зеркало и уходит в глубь сцены.) Я стану так, чтобы Кровавый пятерик сразу же меня увидел, и тогда уж я его затащу сюда.

Второй сигнал горна. Входит Ферчайлд. Вдова Бегбик кокетливо выглядывает из-за зеркала, потом садится на стул.

Ферчайлд. Не гляди на меня так жадно, блудница вавилонская. Мне и без того плохо. Вот уже три дня, как я перебрался в гамак и делаю холодные обливания. А в четверг из-за безудержной чувственности мне пришлось самого себя объявить на осадном положении. Все это мне особенно неприятно теперь, когда я напал на след преступников, совершивших нечто беспримерное в истории армии.

Вдова Бегбик.

О Кровавый пятерик, не борись с самим собой,

Покорись велениям природы.

Мне под мышки загляни, и тогда поймешь себя.

У моих колен, в ямках подколенных

Кличку грозную свою позабудь.

Дисциплина - чепуха! Строевой устав - ничто!

Я зову тебя, Кровавый пятерик,

Этой ночью приходи: этой ночью в теплый дождь

Человеком приди. Ты боишься им быть!

Все же будь человеком! Настоящим - таким,

Что всегда недоволен собой, принужден

Делать то, чего вовсе не хочет.
Человеком приди. Настоящим - таким.
Как тебя создавала природа,
Без железного шлема! Смятым приди,
Одичалым. В себя погруженным,
Беззащитным пред натиском страсти своей
И бессильным пред собственной силой.
Так приди. Человеком приди!

Ферчайлд. Ни в коем случае! Гибель человечества началась с того, что первый из этих болванов не застегнул пуговицу. Разумеется, дисциплинарный устав имеет немало упущений, но все же это единственная книга, на которую может положиться человек, потому что она дает опору и снимает с него ответственность перед богом. Но лучше всего было бы просверлить в земле большую дыру, заложить динамиту и взорвать весь земной шар. Тогда бы только они поняли, что это всерьез. А ведь это очень просто. Но как ты сам, Кровавый пятерик, вытерпишь в такую дождливую ночь без престелей вдовы?

Бегбик. Если ты нынче ночью ко мне соберешься, надевай черный костюм и котелок.
Команда (за сценой). Пулеметное отделение, приготовиться к поименной поверке!

Ферчайлд. Я должен сесть сюда, чтобы видеть, как будут пересчитывать этих подонков.
(Садится.)

Голоса солдат (за сценой). Полли Бейкер, Уриа Шелли, Джесси Махони.

Ферчайлд. А теперь наступила заминка.

Голос Гэли Гэя. Джерайя Джип.

Бегбик. Все правильно.

Ферчайлд. Они что-то новое придумали. Нет порядка снаружи. Нет порядка и внутри.
(Встает, собирается уходить.)

Бегбик (кричит ему вслед). А я скажу тебе, сержант, что, не пройдет и трех ночей с таким вот сумрачным непальским дождем, и ты станешь снисходителен к человеческим слабостям. Потому что ведь именно ты, пожалуй, самый похотливый человек под солнцем. И ты будешь сидеть за одним столом с теми, кто творит беспорядок, и осквернители храмов будут глядеть тебе прямо в глаза, потому что ты сам будешь повинен в большем числе преступлений, чем песчинок на морском берегу.

Ферчайлд. Ну что же, тогда мы и примем меры, можете быть уверены, милочка. Тогда мы как следует притянем к ответу и самого измельчавшего, обнаглевшего Кровавого пятерика. Все это очень просто. (Уходит.)

Голос Ферчайлда. Восьмерых зарыть до пупа в горячий песок за то, что острижены не по уставу!

Входят Уриа, Джесси, Полли. За ними Гэли Гэй, который сразу же проходит на авансцену.

Уриа. Попрошу у вас ножницы, вдова Бегбик.

Гэли Гэй (обращаясь к публике). Небольшая помощь, которую мужчины оказывают друг другу, не может никогда повредить. Живи и не мешай жить другим. Вот я выпью сейчас стаканчик пива как ни в чем не бывало и могу сказать себе, что помог этим господам. В нашей жизни всегда так, что иной раз приходится совершить маленькое надувательство и, скажем, выкрикнуть "Джерайя Джип" столь же непринужденно, как если б говорил "добрый вечер". Помочь людям, оказывается, вовсе не трудно.

Бегбик приносит ножницы.

Уриа. А теперь возьмемся за Джипа!

Джесси. Сильный ветер, видать, к дождю.

Трое солдат подходят к Гэли Гэю.

Уриа. К сожалению, мы очень спешим, сударь.

Джесси. Дело в том, что нам еще нужно остричь наголо одного господина.

Идут к дверям.

Гэли Гэй (бежит за ними). Не мог бы я вам помочь и в этом?

Уриа. Нет, вы нам более не нужны, сударь. (Обращаясь к вдове.) Дайте этому человеку пять коробок сигар и восемь бутылок темного пива. (Уходя.) Ведь бывают же люди, которые норвят всюду совать свой нос. Такому протянешь мизинец, а он уже пытается захватить всю руку.

Все трое поспешно уходят.

Гэли Гэй.

Теперь и я бы мог уйти, но

Следует ли уходить, едва тебе на дверь укажут?

Ведь, может быть, когда уйдешь,

Как раз потребуешься снова?

А разве можно уходить, коль вдруг потребуешься снова?

Нет-нет, не стоит уходить,

Раз в этом нет нужды во что бы то ни стало.

Гэли Гэй отходит в глубину сцены, садится на стул у двери; Бегбик приносит пивные бутылки и коробки сигар; расставляет их на земле вокруг него.

Бегбик. Не встречала ли я вас где-нибудь раньше?

Гэли Гэй отрицательно качает головой.

Разве это не вы несли мою корзину с огурцами?

Гэли Гэй отрицательно качает головой.

Разве вас не зовут Гэли Гэй?

Гэли Гэй. Нет. Бегбик уходит, пожимая плечами. Темнеет. Гэли Гэй засыпает, сидя на стуле.

Идет дождь. Слышна песня вдовы Бегбик, сопровождаемая тихой музыкой.

Бегбик.

Когда бы ты ни посмотрел на речку

Хоть медленно течет она,

Ты каждый раз глядишь в другую воду.

Ни одна из тех капель, что вниз протекли,

Не вернется уже к истоку.

V

Внутренность пагоды Желтого бога.

Бонза Ван и служка.

Служка. Дождь идет.

Ван. Внеси наш кожаный паланкин под крышу!

Служка уходит.

Итак, украдено наше последнее достояние. А теперь еще сквозь пулевые пробоины и дождь протекает мне на голову.

Служка втаскивает паланкин. Оттуда слышен стон.

Что там такое? (Заглядывает внутрь.) Я сразу же подумал, что там окажется белый человек, едва я увидел, что наш паланкин так загажен. К тому же он в солдатском мундире, и у него вырван клоч волос. Значит, это и есть вор. Они просто отрезали ему волосы. Но что же нам с ним делать? Раз он солдат, то, значит, он не может быть разумным человеком. Он королевский солдат, замаранный своей собственной блевотиной; он беспомощнее цыпленка; он пьян так, что не узнал бы родную мать. Отдать его полиции? Но какой лам толк от этого? Если денег уже нет, то к чему еще справедливость? А он только хрюкает. (Яростно.) Вытащи, его наружу, ты, червяк, и затолкай его в нишу. Но только так, чтоб голова была вверху. Раз уж с ним ничего нельзя сделать другого, то превратим его в бога.

Служка втаскивает Джипа в нишу.

Доставай бумагу. Нужно немедленно развесить повсюду объявления. Будем писать их и ногами и руками. Сделаем уж все как следует, не станем зря экономить. Пусть наши

объявления будут видны издалека. Какой толк от бога, если о нем не говорят?

Слышен стук.

Кто там в столь поздний час

Стучится в дверь мою?

Полли. Трое солдат.

Ван. Это его товарищи. (Впускает солдат.)

Полли. Мы ищем одного господина, точнее сказать, одного солдата, который заснул в кожаном ящике, стоявшем напротив этого богатого и замечательного храма.

Ван. Да будет его пробуждение приятным.

Полли. Дело в том, что ящик исчез.

Ван. Мне понятно ваше нетерпение, проистекающее из неведения. Потому что я сам тоже ищу нескольких, вернее, трех людей, точнее сказать, трех солдат и никак не могу их найти.

Уриа. Да, это очень трудное дело. Думаю, что вам следует от него отказаться и прекратить поиски. Однако мы полагали, что вам известно, где находится кожаный ящик.

Ван. К сожалению, неизвестно. Самое неприятное заключается в том, что все господа солдаты носят одинаковую одежду.

Джесси. В этом нет ничего неприятного. А в упомянутом кожаном ящике в настоящее время находится человек, который очень болен.

Полли. Вследствие болезни он лишился части волос, и ему необходима срочная помощь.

Уриа. Вы нигде не видели такого человека?

Ван. К сожалению, не видел. Но зато я нашел потерянные волосы. Впрочем, их забрал сержант вашей армии, он хотел их вернуть господину солдату.

Из ниши доносится стон Джипа.

Полли. Что это там, сударь?

Ван. Это моя дойная корова, она спит.

Уриа. Вашей корове, видимо, плохо спится.

Полли. Но вот же этот паланкин, в который мы клали Джипа. Позвольте нам его осмотреть.

Ван. Лучше уж я вам сразу скажу всю правду. Видите ли, это совсем другой паланкин.

Полли. Он полон блевотины, как помойное ведро на третий день рождества. Джесси, можно не сомневаться, что Джип сидел там.

Ван. Вы неправы. Он не мог сидеть там. Никто не сел бы в такой грязный паланкин.

Джип громко стонет в нише.

Уриа. Мы должны найти нашего четвертого товарища. Хотя бы ради этого нам пришлось прирезать нашу бабушку.

Ван. Но ведь здесь нет человека, которого вы ищете. Уж разрешите, я объясню вам, что человек, по поводу которого вы утверждаете, будто бы он находится здесь, между тем как я вовсе не знаю, что он здесь, - это совсем не тот человек, которого вы ищете. Позвольте вашему недостойному слуге изобразить это наглядно. Вот я рисую мелом четырех преступников. (Чертит на дверце ниши.) У одного из них есть лицо, так что легко можно узнать, кто он такой. У трех других нет лиц. Их нельзя опознать. Тот, чье лицо известно, не имеет денег, и, следовательно, он не вор. Те, у кого есть деньги, не имеют лиц, и, следовательно, их нельзя опознать. Все это так, но лишь до той поры, пока их не поставят рядом. А если их собрать всех четверых вместе, то у трех безликих появятся лица, и тогда у них найдут чужие деньги. Нет, я никогда не поверю, что человек, изображенный здесь, ваш товарищ.

Трое солдат угрожающе поднимают винтовки,
но по знаку Вана служба вводит нескольких китайцев-паломников.

Джесси. Ну что ж, мы не станем вас больше беспокоить. Уже поздно, и вы нуждаетесь в отдыхе. К тому же нам не по вкусу ваше угощение. А рисуете вы очень ловко. Пошли!

Ван. Мне очень жаль, что вы уходите.

Уриа. Поверьте мне, когда наш товарищ проснется, то не хватит и десяти коней, чтобы удержать его от возвращения к нам.

Ван. Десять коней, может быть, действительно ничего не значат, но зато иная мелочь оказывается во много раз сильнее. Кто знает?

Уриа. Когда хмель выветрится из его головы, он придет к нам.

Трое солдат уходят, церемонно раскланиваясь.

Джип (из ниши). Эй, эй!

Ван указывает китайским паломникам на местопребывание бога.

VI

Трактир. Поздняя ночь. Гэли Гэй спит, сидя на стуле. Трое солдат заглядывают в окно.

Полли. Он все еще здесь. Ну разве после этого он не настоящий ирландский мамонт?

Уриа. Может быть, он не ушел из-за дождя.

Джесси. Как знать? Но теперь он нам опять понадобится.

Полли. Неужели вы сомневаетесь в том, что Джип вернется?

Джесси. Уриа, я уверен, что Джип никогда уже не вернется.

Полли. Но теперь вряд ли возможно опять заводить разговоры с грузчиком.

Джесси. Что ты думаешь об этом, Уриа?

Уриа. Я думаю завалиться спать.

Полли. Но если грузчик сейчас поднимется и уйдет, то, значит, мы уже можем попрощаться с жизнью.

Джесси. Разумеется. Ты совершенно прав. Но все-таки я тоже завалюсь спать. Нельзя требовать от человека невозможного.

Полли. Да, пожалуй, лучше всего нам завалиться спать. Слишком уж нам сегодня досталось, и во всем повинен дождь.

Уходят.

VII

Внутри пагоды Желтого бога. Близится утро. Повсюду большие плакаты. Играет старый граммофон, прерывисто стучит барабан. В глубине сцены, видимо, идет торжественное богослужение.

Ван (подходя к нише, говорит служке). Эй ты, болван, быстрее верти шарики из верблюжьего навоза. (Останавливаясь у ниши.) Ты еще спишь, господин солдат?

Джип (изнутри). Скоро мы уже приедем, Джесси? Этот вагон дьявольски качает, и к тому же здесь тесно. как в клозете.

Ван. Ты напрасно думаешь, господин солдат, что находишься в железнодорожном вагоне. А качку ты испытываешь только потому, что тебя покачивает пиво в твоей уважаемой голове.

Джип (изнутри). Что за чушь! И что это за граммофон там трещит? Неужели нельзя прекратить?

Ван. Выходи, господин солдат, съешь кусок говядины.

Джип (изнутри). Кусок говядины? Дай-ка мне кусок говядины, Полли. (Стучит в стенку.)

Ван (убегая в глубину сцены). Тише вы, злосчастные! Бог требует пять таэлей. Слышите, как он стучит в дверцу священной ниши. Милость снизошла на нас! Собирай деньги, Ма-Син.

Джип (изнутри). Уриа, Уриа, где я?

Ван. Постучи еще немного, господин солдат, постучи в другую стенку, господин генерал, постучи обеими ногами, и посильнее.

Джип (изнутри). Эй, что здесь происходит? Где это я нахожусь? Где вы все? Уриа. Джесси. Полли!

Ван. Твой покорный слуга, о господин солдат, хотел бы знать, что ты прикажешь тебе подать из пищи и крепких напитков.

Джип (изнутри). Эй, кто это там? Чей это голос, будто писк жирной крысы?

Ван. О, дорогой полковник, это вовсе не жирная, а просто упитанная крыса - твой преданный друг Ван из Тяньцзина.

Джип (изнутри). Где я нахожусь, что это за город?

Ван. Это жалкий городишко, о мой высокий благодетель, это паршивая дыра, именуемая Килькоа.

Джип (изнутри). Выпусти меня отсюда.

Ван (обращаясь в глубину сцены). Когда навертишь достаточно шариков из верблюжьего навоза, уложи их в чашу, зажги и бей в барабан. (Обращаясь к Джипу.) Я тебя выпущу немедленно, господин солдат, как только ты пообещаешь, что не удерешь.

Джип (изнутри). А ну открой, паршивая крыса! Открывай немедленно, слышишь?

Ван. Стойте, стойте все, кто здесь молится! Замерьте на мгновение! Слушайте, к вам обращается сам бог, вот он издал три громовых удара. Считайте внимательно, сколько ударов. Их четыре, нет, пять. Жаль. Это значит, что вы должны пожертвовать всего лишь пять таэлей. (Стучит в дверцу ниши, говорит ласково.) Господин солдат, вот тут для тебя бифштекс, чтобы усладить твои уста.

Джин (изнутри). Ой-ой! Я только сейчас заметил, у меня все внутри обожжено. Видно, я глушил чистый спирт. Я слишком много выпил, и поэтому теперь надо побольше съесть.

Ван. Если захочешь, ты можешь съесть целую корову, господин солдат. И вот уже готов первый бифштекс. Но я боюсь, как бы ты не удрал, господин солдат. Обещай мне, что не удерешь.

Джип (изнутри). Я хочу сначала посмотреть на этот бифштекс.

Ван выпускает его.

Как я сюда попал?

Ван. По воздуху, господин генерал. Ты прибыл сюда по воздуху.

Джип. Но где же я все-таки был, где ты меня нашел?

Ван. Ты соизволил обретаться в старом паланкине, о величавый.

Джип. А где мои товарищи? Где восьмой полк? Где наша пулеметная рота? Где двенадцать железнодорожных составов и четыре слоновых бригады? Где вся английская армия? Где они все, отвечай, ты, желтомордая ухмыляющаяся плевательница!

Ван. Они ушли, ушли через горы Пенджаба еще в прошлом месяце. Но вот твой бифштекс.

Джип. Что? А как же я? Где был я? Что же я делал, пока они уходили?

Ван. Пиво. Очень много пива. Тысячу бутылок, и к тому же еще зарабатывал деньги.

Джип. И меня никто не разыскивал?

Ван. К сожалению, никто.

Джип. Это неприятно.

Ван. А если они все-таки придут и станут разыскивать человека, носящего мундир белых солдат, должен ли я привести их к тебе, о господин военный министр?

Джип. Не нужно.

Ван. Если ты не хочешь, чтобы тебя беспокоили, Джонни, то залезай в эту нишу, Джонни, каждый раз, когда будут приходиться люди, чей вид неприятен твоему взору.

Джип. Давай бифштекс! (Садится и ест.) Слишком маленькая порция. Что это за омерзительный шум?

Слышен барабанный бой, к потолку подымается дым тлеющих шариков из верблюжьего навоза.

Ван. Это молитва прихожан, которые вон там преклоняют колени.

Джип. Однако жесткий кусок мяса мне попался. А кому они молятся?

Ван. Это их тайна.

Джип (ест быстрее). Это хороший бифштекс, но все-таки плохо, что я здесь расслаиваюсь. Полли и Джесси, наверно, ждали меня. Может быть, и сейчас еще ждут. Ну и вкусный бифштекс, прямо как масло. И все же это плохо, что я его ем. Полли сейчас небось

говорит Джесси - наш Джип непременно придет. Если Джип трезв, то он, конечно, придет. Уриа, пожалуй, не так ждет меня, потому что Уриа плохой человек, но Джесси и Полли оба говорят, что Джип обязательно придет. Ничего не скажешь, это самый подходящий харч для меня после такой пьянки. Эх, если бы только Джесси так не доверял своему другу Джипу. Но сейчас он, конечно, говорит: "Джип нам не изменит". Разумеется, мне очень горько думать об этом. Очень плохо, что я сижу здесь, но мясо отличное.

VIII

В трактире.

Раннее утро. Гэли Гэй спит, сидя все на том же стуле. Трое солдат завтракают.

Полли. Джип непременно придет.

Джесси. Джип нам не изменит.

Полли. Если Джип трезв, то он, конечно, придет.

Уриа. Этого никто не знает. Во всяком случае, нам нельзя выпускать грузчика, пока не вернулся Джип.

Джесси. А грузчик и не уходил.

Полли. Он, должно быть, здорово прозяб. Ведь всю ночь так и просидел на стуле.

Уриа. Но зато мы нынче выспались и опять чувствуем себя отлично.

Полли. А Джип обязательно придет. Мой здравый солдатский рассудок хорошо выспался, и я сознаю совершенно ясно, что Джип, конечно, придет. Как только он проснется, он захочет выпить пива, и тогда он придет к нам.

Входит Ван. Он идет к стойке и звонит. У стойки появляется вдова Бегбик.

Бегбик. Я не подаю вонючим туземцам и не продаю желтокожим.

Ван. Я покупаю для белого. Мне нужно десять бутылок хорошего, светлого пива.

Бегбик. Десять бутылок светлого пива для белого? (Протягивает ему бутылки.)

Ван. Да, вот именно для белого. (Уходит, поклонившись по очереди каждому из присутствующих.)

Джесси, Полли и Уриа переглядываются.

Уриа. Теперь уже ясно, что Джип не придет. Нужно и нам заправиться пивом. Вдова Бегбик, отныне у вас должны быть всегда наготове двадцать бутылок пива и десять бутылок виски.

Бегбик разливает пиво по стаканам и уходит. Трое солдат пьют. При этом они внимательно смотрят на спящего Гэли Гэя.

Полли. Но что теперь будет, Уриа? У нас же ничего не осталось, кроме паспорта Джипа.

Уриа. Этого вполне достаточно. Необходим новый Джип. У нас поднимают слишком большой шум из-за людей. Между тем один человек вообще ничего не значит. И пока людей меньше, чем двести, то говорить вообще не о чем. Конечно, могут быть и другие мнения. Но что значат какие-то мнения? Спокойный человек может спокойно иметь и два и три совершенно разных мнения.

Джесси. Мне тоже начхать на болтовню о необыкновенных личностях.

Полли. А что он скажет, если мы его превратим в солдата Джерайя Джипа?

Уриа. Такие, как он, сами превращаются во все, что нужно. Брось его в пруд и увидишь - через два дня у него между пальцев вырастут плавательные перепонки. А все потому, что ему нечего терять.

Джесси. Что бы это для него ни значило, но нам нужен четвертый. Разбудите его.

Полли будит Гэли Гэя.

Очень хорошо, сударь, что вы не ушли. Некоторые обстоятельства воспрепятствовали нашему товарищу Джерайя Джипу вернуться к нам вовремя.

Уриа. Вы по происхождению ирландец?

Гэли Гэй. Кажется, да.

Уриа. Это хорошо. Надеюсь, что вы не старше сорока лет, господин Гэли Гэй?

Гэли Гэй. Мне еще нет сорока.

Уриа. Блестяще. Может, у вас плоскостопие?

Гэли Гэй. Есть малость.

Уриа. Замечательно. Ваше счастье обеспечено. Вы можете пока оставаться здесь.

Гэли Гэй. Но, к сожалению, меня ожидает жена, в связи с одним рыбным блюдом.

Полли. Мы понимаем ваши сомнения, они делают вам честь и достойны настоящего ирландца. Но ваша внешность нам нравится.

Джесси. Более того, она нам подходит. Видите ли, кажется, есть возможность вам стать солдатом.

Гэли Гэй молчит.

Уриа. Солдатская жизнь очень приятна. Ежедневно мы получаем кучу денег лишь за то, что рассказываем по всей Индии и разглядываем улицы и храмы. И посмотрели бы вы только на отличные кожаные спальные мешки, которые каждый солдат получает бесплатно. Взгляните хоть одним глазком на эту винтовку, изготовленную фирмой Эверетт и Ко. Главным образом мы развлекаемся рыбной ловлей. Наша мамаша - так мы шутя называем армию - закупает необходимые удочки, и при этом нас развлекают военные оркестры. В остальное время дня вы можете спокойно покуривать у себя на веранде либо, скажем, осматривать золоченый дворец какого-нибудь из этих раджей. А если хозяин вам не понравится, можете пристрелить его. Дамы приветливо встречают солдат и ждут от них всего, но только не денег, и вы должны признать, что это тоже весьма приятно.

Гэли Гэй молчит.

Полли. А особенно хороша солдатская жизнь во время войны. Ведь только в бою достигает мужчина своего настоящего величия. Известно ли вам, что мы живем в великую эпоху? Перед каждой атакой солдат получает бесплатно во-от такой стакан спиртного, и от этого его мужество становится безмерным, воистину безмерным.

Гэли Гэй. Да, я вижу, что солдатская жизнь приятна.

Уриа. Разумеется. Итак, вы можете без лишних слов сохранить свой солдатский мундир с изящными медными пуговицами, и вам предоставляется право при любых обстоятельствах именоваться господином Джипом.

Гэли Гэй. Надеюсь, вы не хотите погубить бедного грузчика?

Джесси. Почему бы и нет?

Уриа. Значит, вы собираетесь уходить?

Гэли Гэй. Да, так что, видите ли, я пойду.

Полли (вносит одежду Гэя). Почему же вы все-таки не хотите стать Джипом?

В окне появляется Ферчайлд.

Гэли Гэй. Потому что я Гэли Гэй. (Идет к двери.)

Трое солдат смотрят ему вслед.

Уриа. Погодите еще минутку.

Полли. Разве вам не известна поговорка "поспешишь, людей насмешишь"?

Уриа. Вы имеете дело с людьми, которые не принимают благодарностей от посторонних лиц.

Джесси. Как бы там вас ни звали, но за любезность, которую вы нам оказали, мы должны вас отблагодарить.

Уриа. Видите ли, вы можете пока спокойно оставаться там, где стоите, у дверей, - мы хотим предложить вам выгодную сделку.

Гэли Гэй останавливается.

Джесси. Это самая выгодная сделка, какую можно заключить в Килькоа, не правда ли, Полли? Ведь ты же знаешь, что если бы нам только удалось найти что-либо подобное в другом месте...

Уриа. Наш долг предложить вам участвовать в этой неслыханно выгодной сделке.

Гэли Гэй. Сделке? Вы говорите о сделке?

Уриа. Вот именно, но у вас, кажется, нет времени.

Гэли Гэй. Есть время или нет времени - это все зависит от обстоятельств.

Полли. Вот как, значит, время у вас есть. О, если бы вы только узнали, в чем дело, оно бы у вас немедленно нашлось. Нашел же лорд Китченер время, чтобы завоевать Египет.

Гэли Гэй. Да, уж конечно. Что ж у вас - крупная сделка?

Полли. Магарадже Пешавара она показалась бы, наверно, крупной. Но такому великому человеку, как вы, она может показаться мелкой.

Гэли Гэй. Но как мог бы я участвовать в этой сделке? Что от меня потребовалось бы?

Джесси. Ровно ничего.

Полли. Разве что вам пришлось бы только отказаться от своих усов, которые привлекают слишком большое внимание.

Гэли Гэй. Ах вот как. (Берет свои вещи и идет к дверям.)

Полли. Настоящий слон.

Гэли Гэй. Слон? Да, слон это действительно сокровище. Тому, у кого есть собственный слон, не придется помирать в нищете. (Он взволнован, берет стул и подсаживается к трим солдатам.)

Уриа. Слон?! И вы еще спрашиваете, есть ли у нас слон?

Гэли Гэй. И этого слона можно было бы скоро получить?

Полли. Слон! Вот на что он клюет.

Гэли Гэй. Итак, у вас есть слон?

Полли. Неужели вы думаете, что можно продавать слона, которого нет.

Гэли Гэй. Ну если так, господин Полли, то я бы охотно принял участие.

Уриа (нерешительно). Все бы хорошо, если бы не этот дьявол - гроза Килькоа.

Гэли Гэй. Какой это еще дьявол есть в Килькоа?

Полли. Не говорите так громко. Вы произносите имя тайфуна в человеческом образе, Кровавого пятерика, нашего сержанта.

Гэли Гэй. Чем же он заслужил такие прозвища?

Полли. Да ничем особенным. Просто время от времени, изблотив кого-нибудь, кто из проверки откликнулся на чужое имя, он велит завернуть его в двухметровый кусок парусины и положить под ноги слонам.

Гэли Гэй. Да, тут нужен человек с головой.

Уриа. А голова у вас есть, господин Гэли Гэй!

Полли. И в этой голове неплохая начинка!

Гэли Гэй. Да что вы, пустяки. Впрочем, я хочу вам загадать загадку, которая могла бы заинтересовать вас, как образованных людей.

Джесси. Вы видите перед собой опытных отгадчиков.

Гэли Гэй. Тогда скажите, что это такое: белое, млекопитающее, сзади видит так же хорошо, как и спереди?

Джесси. Трудная штука.

Гэли Гэй. Эту загадку вы вообще никогда не разгадаете. Эту загадку и я не смог разгадать. Белое, млекопитающее, сзади видит так же хорошо, как спереди. Это... слепая белая лошадь!

Уриа. Великолепная загадка

Полли. И неужели вы все это так просто запоминаете?

Гэли Гэй. Большею частью запоминаю, потому что я ведь плохо умею писать. Но думается мне, что я могу быть подходящим человеком в любой сделке.

Солдаты подходят к стойке. Гэли Гэй достает одну из своих коробок сигар и угощает всех.

Уриа. Огоньку бы!

Гэли Гэй (давая всем прикурить). Позвольте мне, господа, доказать вам, что, обратившись ко мне, вы избрали неплохого компаньона для вашего дела. Нет ли у вас тут случайно каких-либо тяжелых предметов?

Джесси (указывая на гири и брусья, которые лежат у стены, возле дверей). Вон там.

Гэли Гэй (берет самую тяжелую гирию и выжимает се). Дело в том, что я член атлетического клуба Килькоа.

Урна (протягивает, ему кружку пива). Это заметно по всей вашей повадке.

Гэли Гэй (пьет). Да, у нас, атлетов, особая повадка. Существует даже специальное предписание. Вот, например, если атлет входит в комнату, в которой находится большое общество, то он уже в дверях приподнимает плечи, потом поднимает руки до уровня плеч и готом небрежно опускает их и входит в комнату развалисто, покачиваясь. (Пьет.) Со мной вы можете пускаться на любое дело, я человек компанейский.

Ферчайлд (входит). Там какая-то женщина - она ищет человека по имени Гэли Гэй.

Гэли Гэй. Гэли Гэй! Человека, которого она ищет, зовут Гэли Гэй!

Ферчайлд некоторое время смотрит на него, потом уходит и вводит жену

Гэли Гэя.

(Обращаясь к трем солдатам.) Не бойтесь ничего. Она очень кроткая особа. Она родом из такого края, где живут преимущественно добрые люди. Можете положиться на меня. Теперь уже Гэли Гэй разохотился и не отстанет от вас.

Ферчайлд. Входите, госпожа Гэй! Здесь находится человек, который знаком с вашим мужем. (Входит с женой Гэли Гэя в комнату.)

Жена Гэли Гэя. Вы уж простите бедную женщину, господа, простите, что я так плохо одета, но я очень спешила. Так вот ты где, Гэли Гэй? Неужели это в самом деле ты - в солдатском мундире?

Гэли Гэй. Никак нет.

Жена Гэли Гэя. Я тебя не понимаю. Как это тебя угораздило натянуть солдатский мундир? Он тебе очень не идет. Это все подтвердят. Станный ты человек, Гэли Гэй.

Уриа. У нее, видать, не все дома.

Жена Гэли Гэя. Да, нелегко иметь мужем человека, который никому ни в чем не может отказать.

Гэли Гэй. Хотел бы я знать, к кому это она обращается?

Уриа. Похоже на то, что она просто бранится.

Ферчайлд. А мне думается, что мадам Гэй вполне здравомыслящая особа. Продолжайте, продолжайте, мадам Гэй. Мне вас приятнее слушать, чем любую певицу.

Жена Гэли Гэя. Не пойму, что это за новая блажь взбрела тебе в голову, что ты еще возомнил о себе, но предчувствую, что ты плохо кончишь. Пошли уже наконец домой! Да скажи хоть что-нибудь! Или ты потерял голос?

Гэли Гэй. Ты говоришь так, словно обращаешься ко мне. Но должен тебе сказать, что ты меня принимаешь за кого-то другого и все, что ты здесь наболтала, очень неумно и неприлично.

Жена Гэли Гэя. Что ты сказал? Я принимаю тебя за другого? Ты что, уже напился? Ведь он совершенно не умеет пить.

Гэли Гэй. Я такой же Гэли Гэй, как и командующий армией.

Жена Гэли Гэя. Вчера в это самое время я поставила котелок с водой на огонь, а рыбу ты не принес.

Гэли Гэй. Что еще за рыба? Ты болтаешь так, словно совсем потеряла рассудок. Даже не стесняешься всех этих господ!

Ферчайлд. Однако странный случай. Мне в голову лезут такие страшные мысли, что я весь застываю, как льдина. Знаете вы эту женщину?

Трое солдат отрицательно качают головой.

А вы?

Гэли Гэй. Много повидал я на своем веку, странствуя по всем дорогам между Ирландией и Килькоа, но эту женщину я вижу впервые.

Ферчайлд. Скажите этой женщине, как вас зовут.

Гэли Гэй. Джерайа Джип.

Жена Гэли Гэя. Это чудовищно! Впрочем, господин сержант, когда я смотрю на него, мне начинает казаться, что это и впрямь кто-то другой, что он и впрямь немного другой, чем мой муж, чем грузчик Гэли Гэй, в чем-то другой, хоть, и не пойму, в чем именно.

Ферчайлд. Но мы скоро поймем, в чем именно. (Уходит вместе с женой Гэли Гэя.)

Гэли Гэй (приплясывая, выходит на середину сцены, поет).

Светлый месяц в Алабаме

Отбывает на покой,

Нашей старой, доброй маме

Нужен месяц молодой. (Радостно ухмыляясь, подходит к Джесси.) По всей Ирландии говорят о нашем роде Гэли Гэев, что мы никогда не теряемся и всегда делаем то, что нужно.

Уриа (обращаясь к Полли). Прежде чем солнце зайдет в седьмой раз, этот человек должен стать другим человеком.

Полли. Неужели это возможно, Уриа? Превратить одного человека в другого?

Уриа. Да. Все люди одинаковы. Что тот солдат, что этот - все едино.

Полли. Но, Уриа, ведь армия может выступить в любую минуту!

Уриа. Разумеется, она может выступить в любую минуту. Но разве ты не видишь, что трактир еще стоит на месте? Разве ты не знаешь, что артиллеристы еще собираются устраивать конные состязания? Уверяю тебя, что господь бог не даст погибнуть таким ребятам, как мы. Он не допустит, чтобы армия выступила уже сегодня. Нет, господь бог не пойдет на этр,

Полли. Слушай!

За сценой сигналы горнов, зовущих к походу, барабанная дробь.

Трое солдат выстраиваются в ряд.

Ферчайлд (за сценой, кричит во всю глотку). Армия выступает по направлению к северной границе! Подъем сегодня ночью, в два часа десять минут.

Монолог между двумя сценами.

Произносит вдова Леокадия Бегбик.

Бертольт Брехт говорит: что тот, что этот солдат

Все едино. И так почти все говорят.

Но Бертольт Брехт доказал - если очень хотят,

То одного человека превратят

В совершенно другого. Сегодня здесь

Будет человек переделан весь

Разобран и собран, без лишних затей,

Как машина из старых запасных частей,

Не утратив при этом совсем ничего.

Беззлобно, но твердо упрелят его

Приладиться к миру такому как есть,

Этот мир своим личным делам предпочесть.

А потом уж не важно, что было вначале,

С какой именно целью все это свершали.

Ведь тот, кого так переделать сумели,

Будет средством, пригодным для всякой цели.

Упустим сегодня, забудем о нем,

А завтра он к нам же придет палачом.

Бертольт Брехт очень хочет, чтобы каждый здесь мог

Почувать, как почва ползет из-под ног,

Чтоб, о грузчике Гэе узнав не напрасно,

Вы постигли, как жизнь на земле опасна.

IX

Трактир.

За сценой шум собирающейся в поход армии. Слышен громкий голос.

Голос. Разразилась война, которая уже давно была предусмотрена. Армия выступает по направлению к северной границе, Королева приказывает своим солдатам погрузиться, погрузить своих слонов и пушки в железнодорожные составы, а железнодорожным составам приказано двигаться к северной границе. Поэтому ваш генерал приказывает, чтобы вы погрузились в вагоны еще до того, как взойдет луна.

Бегбик (сидит за стойкой и курит).

Город Иеху всегда переполнен людьми,

Но никто не остается в нем,

И песню там поют о том,

Что в мире все течет.

(Поет.)

Море хлещет тебя по ногам,

Наступить на волну не пытайся.

Пока ты стоишь в прибое,

Будет вдоволь новых волн.

(Встает, берет палку и, продолжая говорить,
раздвигает брезентовый полог.)

Семь лет прожила я на месте одном,

Имела свой кров,

Не была одинока.

Мой кормилец не знал себе равных.

Но однажды

Он не проснулся.

Он лежал, накрытый простыней,

Неузнаваемый, мертвый

Но в тот вечер поужинать я не забыла.

Время шло.

И комнату, в которой

Мы с ним раньше целовались,

Стала я квартирантам сдавать.

И комната меня кормила.

Но и теперь, когда она

Меня уже не кормит больше,

Я все-таки имею пищу

И повторяю:

(Поет.)

Море хлещет тебя по ногам,

Наступить на волну не пытайся.

Пока ты стоишь в прибое,

Будет вдоволь новых волн.

(Садится опять у стойки.)

Входят трое приятелей в сопровождении других солдат.

Уриа (стоя посредине сцены). Товарищи, война разразилась. Значит, прошло время беспорядка. Следовательно, больше нельзя считаться с желаниями отдельных лиц. Поэтому грузчик Гэли Гэй из Килькоа должен срочно превратиться в солдата Джерайя Джипа. С этой целью мы вовлечем его в сделку, как это водится в наше время; для такой сделки соорудим искусственного слона. Ты, Полли, возьми вот эту палку и слоновью голову, что висит на стене. Ты, Джесси, возьми бутылку и каждый раз, когда Гэли Гэй будет смотреть на вас, отливай воду, пусть он убедится, что это настоящий слон, который мочится. А я накрою вас картой полушарий.

Сооружают чучело слона.

Слона мы ему подарим, а затем найдем покупателя, и, когда он станет продавать слона, мы его арестуем и скажем: как ты смеешь продавать армейского слона? Вот тогда-то он и предпочтет стать солдатом Джерайа Джипом и шагать к северной границе, лишь бы только не оставаться Гэли Гэм, преступником, которого при известных обстоятельствах можно даже расстрелять.

Один из солдат. Неужели вы думаете, что он примет это чучело за слона?

Джесси. А разве уж так плохо вышло?

Уриа. Ручаюсь, что он примет его за слона. Он даже эту пивную бутылку примет за слона, если найдется кто-нибудь, кто ткнет в нее пальцем и скажет я готов купить этого слона.

Солдат. Значит, вам нужен покупатель.

Уриа (зовет). Вдова Бегбик!

Бегбик подходит к ним.

Хотите быть нашим покупателем?

Бегбик. Хочу, потому что мой вагон не сдвинется с места, если мне никто не поможет уложиться.

Уриа. Тогда скажите человеку, который сейчас войдет сюда, что вы хотели бы купить этого слона, и тогда мы поможем вам уложить весь ваш трактир. Так на так.

Бегбик. Ладно. (Возвращается на свое место за стойкой.)

Гэли Гэй (входит). Что, слон уже здесь?

Уриа. Господин Гэй, наше дело на полном ходу. Речь идет о сверхштатном и не числящемся по смете армейском слоне Билли Хамфе. Теперь нужно, не привлекая внимания, продать его кому-нибудь, разумеется, частному лицу.

Гэли Гэй. Это понятно. Но кто же его будет продавать?

Уриа. Тот, кто будет считаться его владельцем.

Гэли Гэй. А кто может считаться владельцем?

Уриа. Не согласились бы вы, господин Гэй, объявить себя владельцем?

Гэли Гэй. А покупатель уже есть?

Уриа. Да.

Гэли Гэй. Надеюсь, что при этом не будут называть моего имени.

Уриа. Нет, конечно. Не угодно ли сигару?

Гэли Гэй (подозрительно). А это еще зачем?

Уриа. Да чтобы вы не волновались, так как слон немного простужен.

Гэли Гэй. А где покупатель?

Бегбик (выходит из-за стойки). Господин Гэли Гэй, я ищущу слона. Нет ли у вас случайно слона?

Гэли Гэй. Вдова Бегбик, возможно, что у меня для вас найдется слон.

Бегбик. Сверните-ка сначала стену, а то скоро начнут проходить пушки.

Солдаты. Так точно, вдова Бегбик. (Разбирают стену трактира.)

Чучело слона смутно виднеется.

Джесси (обращаясь к вдове Бегбик). Уверяю вас, вдова Бегбик, что, если посмотреть с возвышенной точки зрения, здесь происходит историческое событие. А что именно здесь происходит? Берется человеческая личность и рассматривается под микроскопом; пристально изучают ее индивидуальные особенности и нрав. Потом - раз-два - принимаются некоторые меры. Вводится в действие особая техника. При поточном производстве на конвейере нет существенной разницы между большим человеком и маленьким. Ведь по форме они сходны. Что такое личность? Уже древние ассирийцы, уважаемая вдова Бегбик, изображали человеческую личность в виде дерева, которое распускается. Вот так распускается. А потом его снова сворачивают, понимаете, вдова Бегбик? Что сказал Коперник? Что земля вертится! Что именно вертится? Земля! А значит, вертится и человек. Так сказал Коперник. И, значит, человек вовсе не находится в центре вселенной. Поглядите-ка на это. Разве может такое быть в центре вселенной? Исторически доказано: человек - ничто! Современная наука доказала, что все относительно. Как это понимать? Это значит, что

стол, стул, вода, сапожная щетка - все относительно, и вы, вдова Бегбик, и я... мы тоже относительно. Посмотрите мне в глаза, вдова Бегбик, наступает исторический момент. Человек оказывается в середине, в центре, но только относительно.

Оба уходят.

НОМЕР ПЕРВЫЙ

Уриа (выкрикивает). Номер первый: дело о продаже слона. Отделение пулеметной роты передает слона человеку, который не желает быть названным.

Гэли Гэй. Еще глоток из бутылки шерри-бренди, еще одну затяжку бразильской сигарой, и тогда примемся за дело!

Уриа (указывая на слона). Билли Хамф, чемпион Бенгалии, слон, состоящий на службе в великой армии.

Гэли Гэй (увидев слона, пугается). И это армейский слон?

Один из солдат. Он порядком простужен. Это видно уже по тому, как его замотали.

Гэли Гэй (озабоченно разглядывает слона, обходя его кругом). Это еще не самое худшее.

Бегбик. Я покупательница. (Показывает на чучело.) Продайте мне этого слона.

Гэли Гэй. Вы действительно хотите купить этого слона?

Бегбик. Мне безразлично, велик он или мал: я с детства мечтаю о том, чтобы купить слона.

Гэли Гэй. И он действительно такой, о каком вы мечтали?

Бегбик. В детстве я мечтала иметь слона величиной с гору, но теперь удовольствуюсь и этим.

Гэли Гэй. Ну что ж, вдова Бегбик, если вы действительно хотите купить этого слона, то я как раз его владелец.

Солдат (вбегая из глубины сцены). Шшш... шшш... Кровавый пятерик ходит по лагерю и проверяет вагоны.

Солдаты. Тайфун в образе человека.

Бегбик. Погодите здесь. Теперь я уж ни за что не отдам этого слона.

Бегбик и солдаты торопливо уходят.

Уриа (обращаясь к Гэли Гэю). Подержите-ка минутку слона. (Передает ему в руки веревку.)

Гэли Гэй. Однако, господин Уриа, что мне делать, куда мне деваться?

Уриа. Оставайся здесь. (Убегает вслед за другими солдатами.)

Гэли Гэй (осторожно держит веревку за самый конец). Моя мать говаривала мне, что никогда нельзя знать ничего вполне определенно. Но теперь я уж не знаю и вовсе ничего. Вчера утром ты, Гэли Гэй, вышел, чтобы купить маленькую рыбешку, а теперь вот приобрел здорового слона - и кто знает, что будет с тобой завтра. Впрочем, какое мне до этого дело, лишь бы денежки получить.

Уриа (заглядывает). Да он на него даже не смотрит. Он отходит от него как можно дальше.

Видно, что в глубине сцены проходит Ферчайлд.

Тигр из Килькоа только прошел мимо.

Входят Бегбик, Уриа и другие солдаты.

НОМЕР ВТОРОЙ

Гэли Гэй достает звонок. Вдова Бегбик приносит деревянное ведро и ставит его вверх дном посередине сцены,

Уриа (выкрикивает). А теперь номер второй: продажа слона с аукциона. Человек, который не желает быть названным, продает этого слона.

Солдат. Итак, этот слон уже не вызывает у тебя никаких сомнений?

Гэли Гэй. Раз его покупают, то мне сомневаться не в чем.

Уриа. Вот именно, раз его покупают, значит, все в порядке.

Гэли Гэй. Да, уж тут возразить нечего. Слон есть слон, особенно если его покупают. (Взбирается на ведро и открывает аукцион, указывая на слона, который стоит рядом с ним, окруженный группой солдат.) Внимание! Продается слон Билли Хамф, чемпион Бенгалии. Он родился в южном Пенджабе. У его колыбели стояли семь раджей. У его матери была белая кожа. Сейчас ему шестьдесят пять лет. Но для слона это не возраст. Он весит тринадцать центнеров, и для него выкорчевать целый лес все равно что сорвать пук травы. Билли Хамф, стоящий здесь перед вами, принесет своему владельцу целое состояние.

Уриа. А вот и вдова Бегбик с деньгами.

Бегбик. Этот слон принадлежит вам?

Гэли Гэй. Так же, как моя собственная нога.

Солдат. Билли, видать, уже довольно стар, он как-то необычайно малоподвижен.

Бегбик. И поэтому вы должны уступить в цене.

Гэли Гэй. Он стоил мне двести рупий, и столько он будет стоить уже до самой смерти.

Бегбик (осматривает чучело). Двести рупий и такое отвислое брюхо?

Гэли Гэй. Однако я думаю, что для вдовы это самый подходящий слон.

Бегбик. Ну что ж. А здоров ли он?

Из-под слона течет вода.

Теперь я вижу, это совершенно здоровый слон. Даю пятьсот рупий.

Гэли Гэй. Пятьсот рупий раз, пятьсот рупий два, пятьсот рупий три. Вдова Бегбик, я, как прежний владелец, передаю этого слона из рук в руки вам и прошу вас выписать чек.

Бегбик. Как ваше имя?

Гэли Гэй. Оно не должно быть названным.

Бегбик. Прошу вас, господин Уриа, дайте мне карандаш, чтобы я могла выписать чек этому господину, который не хочет быть названным.

Уриа (в сторону, обращаясь к солдатам). Когда он возьмет чек, вы его арестуйте.

Бегбик. Вот твой чек, незнакомец, не желающий быть названным.

Гэли Гэй. А вот ваш слон, вдова Бегбик.

Один из солдат (кладет руку на плечо Гэли Гэй). Именем британской армии спрашиваю вас, что вы здесь делаете?

Гэли Гэй. Я? Ровно ничего. (Глупо смеется.)

Солдат. Чей это слон у вас?

Гэли Гэй. Какого вы имеете в виду?

Солдат. Да, собственно, того, что стоит за вами. Не вздумайте только увиливать.

Гэли Гэй. Я не знаю этого слона.

Солдаты. Ого-го!

Один из солдат. Мы свидетели: этот господин сказал, что слон принадлежит ему.

Бегбик. Он сказал, что слон принадлежит ему так же, как его собственная нога.

Гэли Гэй (пытается уйти). К сожалению, я должен вернуться домой, так как моя жена меня ждет и беспокоится. (Расталкивая солдат, идет к выходу.) Я еще ворочусь, чтобы побеседовать с вами обо всем этом. Всего хорошего! (Обращаясь к слону, который следует за ним.) Оставайся здесь, Билли, не упрямясь. Вон там растет сахарный тростник.

Уриа. Стой! Направьте пистолеты на преступника, ибо здесь перед нами преступник.

Из туловища слона слышится громкий смех Полли.

(Пинает его.) Заткнись, Полли!

Плащ-палатка которой накрыт слон, соскальзывает. Из-под нее выглядывает Полли.

Полли. Черт побери!

Гэли Гэй в полном смятении. Он смотрит на Полли, потом на других солдат.

Слон удирает.

Бегбик. Что же это такое? Оказывается, это вовсе и не слон. Там люди, накрывшиеся плащ-палаткой. Оказывается, все подделка. Я вам даю настоящие деньги, а вы мне - поддельного слона!

Уриа. Вдова Бегбик, преступник будет немедленно связан и посажен в выгребную яму.

Солдаты связывают Гэли Гэя и засовывают его в яму так, что снаружи торчит только его голова. Издали доносится шум проезжающей артиллерии.

Бегбик. Артиллерия уже грузится. Когда же наконец уложат мой трактор? Ведь перестроить нужно не только вашего парня, но и мой трактор.

Солдаты разбирают и упаковывают оборудование трактора. Но Урна их прогоняет, прежде чем они успевают закончить. Бегбик выносит корзину с грязными парусиновыми полотнищами; становится на колени у небольшого углубления и

начинает стирать. Гэли Гэй слушает ее монолог.

Было имя у меня, было имя.

И когда называли его,

В нашем городе все говорили:

Вот оно, доброе имя.

Но однажды вечером

Я выпила виски - рюмку, другую и третью...

А на следующее утро

На моей двери

Кто-то мелом написал

Дурное слово.

И молочник не оставил у порога молока.

Так я потеряла имя,

Доброе имя мое.

(Показывает на полотнище.)

Полотно было белым, потом замаралось,

А после стирки снова стало белым.

Но посмотри его на свет, увидишь

Оно уже не то, что было прежде.

Не называй так внятно свое имя.

Зачем его произносить?

Ведь всякий раз ты называешь

Уже другого человека.

Все изменилось, только имя еще по-прежнему звучит.

И мысли свои не высказывай громко.

Ты думал раньше об одном.

Забудь скорей, иное думай.

Все изменилось ведь и будет изменяться.

Так помни лишь о том, что есть сейчас.

(Поет.)

Море хлещет тебя по ногам,

Не пытайся ступить на волну.

Пока ты стоишь в прибое,

Будет вдоволь новых волн.

(Уходит.)

Уриа с солдатами возвращается.

НОМЕР ТРЕТИЙ

Уриа (выкрикивает). А теперь номер третий: суд над человеком, который не желал быть названным. Станьте все вокруг преступника и будем допрашивать его, пока не узнаем правды.

Гэли Гэй. Прошу вас, разрешите мне сказать.

Уриа. Ты, парень, уже сегодня достаточно наговорился. Кто из вас знает, как звали человека, который публично продавал слона?

Один из солдат. Его звали Гэли Гэй.

Уриа. Кто может это засвидетельствовать?

Солдаты. Мы все засвидетельствуем.

Уриа. А что скажет обвиняемый?

Гэли Гэй. Это был человек, который не хотел быть назван.

Солдаты ропщут.

Один из солдат. Я слышал, как он сам говорил, что его зовут Гэли Гэй.

Уриа. Разве это не ты?

Гэли Гэй (хитро). Если бы я был Гэли Гэй, то, возможно, я и оказался бы тем, кого вы ищете.

Уриа. Значит, ты не Гэли Гэй?

Гэли Гэй (бормочет). Нет, не я.

Уриа. А может быть, ты вовсе и не присутствовал при том, как продавали с аукциона Биллу Хамфа?

Гэли Гэй. Нет, не присутствовал.

Уриа. Но ты видел, что продавал его человек по имени Гэли Гэй?

Гэли Гэй. Да, это я могу засвидетельствовать.

Уриа. Значит, ты все-таки присутствовал при продаже?

Гэли Гэй. Да, это я могу засвидетельствовать.

Уриа. Вы все слышали? Вы видите луну? Только что взошла луна, а он только что признался, что участвовал в грязной сделке с этим слоном. И сам-то Билли Хамф был, кажется, не очень хорош?

Джесси. Да, уж хорошим он действительно не был.

Один из солдат. Этот человек говорил, что продает слона, а то был вовсе не слон, а чучело из бумаги.

Уриа. Итак, он продавал поддельного слона. За это полагается смертная казнь. Что ты теперь скажешь?

Гэли Гэй. Настоящий слон, возможно, и не принял бы его за слона. Во всем этом очень трудно разобраться, уважаемые господа судьи.

Уриа. Да, дело действительно порядком запутанное, но все же я полагаю, что тебя следует расстрелять, ибо ты вел себя крайне подозрительно.

Гэли Гэй молчит.

Кроме того, я слышал о некоем солдате по имени Джип, который называл себя так на нескольких поверках, но потом вдруг стал доказывать, что его зовут Гэли Гэй. Не ты ли этот Джип?

Гэли Гэй. Нет, уж конечно, нет.

Уриа. Значит, твое имя не Джип? Как же тебя все-таки зовут? Ты не отвечаешь? Значит, ты не хочешь, чтобы тебя называли? Значит, ты все же, вероятно, тот самый субъект, который продавал слона и не хотел быть назван? Итак, ты опять молчишь? Все это очень подозрительно, это уже почти изобличение. Преступник, продававший слона, как говорят, был человек с бородой. Вот и у тебя борода. Пойдем обсудим все это.

Солдаты уходят в глубину сцены. Двое остаются с Гэди Гэем.

(Уходя.) Вот видите, теперь он уже не хочет больше быть Гэли Гэем.

Гэли Гэй (помолчав). Вы не слышите, что они там говорят?

Первый солдат. Нет.

Гэли Гэй. Не говорят ли они, что я - это и есть Гэли Гэй?

Второй солдат. Они говорят, что теперь уже все неясно.

Гэли Гэй. Запомни, друг: один человек - ничто.

Второй солдат. Известно уже, с кем нам придется воевать?

Первый солдат. Если им нужен хлопок, то будем воевать с Тибетом, а если шерсть, то с Памиром.

Джесси (входит). Кого это здесь посадили связанным в яму? Разве это не Гэли Гэй?

Первый солдат. Эй ты, отвечай!

Гэли Гэй. Мне кажется, что ты меня принимаешь за кого-то другого, Джесси. Приглядиись ко мне внимательней.

Джесси. А разве ты не Гэли Гэй?

Гэли Гэй отрицательно качает головой.

Отойдите-ка в сторону, я хочу с ним поговорить, ведь его только что приговорили к смерти.

Оба солдата отходят в глубину сцены.

Гэли Гэй. Неужели дошло до этого? О Джесси, помоги мне, ведь ты великий солдат.

Джесси. Что тут произошло?

Гэли Гэй. Я и сам не знаю, Джесси. Мы тут курили, выпивали, и я что-то наболтал такое, что загубил свою душу.

Джесси. А я проходил здесь и слышу, что должен быть казнен кто-то по имени Гэли Гэй.

Гэли Гэй. Этого не может быть.

Джесси. А разве это не ты - Гэли Гэй?

Гэли Гэй. Вытри мне пот со лба, Джесси.

Джесси (вытирает ему лоб). Посмотри мне в глаза, ведь я твой друг Джесси. Скажи, разве ты не Гэли Гэй из Килькоа?

Гэли Гэй. Нет, ты меня принимаешь за другого.

Джесси. Нас было четверо солдат, которые прибыли сюда из Канкердана. Разве ты и тогда уже был с нами?

Гэли Гэй. Да-да, из Канкердана, я тоже там был.

Джесси (отходит в глубину сцены, солдатам). Ну вот видите, луна еще не зашла, а он уже хочет быть Джипом.

Уриа. Но я думаю, что нужно еще больше припугнуть его смертью.

За сценой шум проезжающих пушек.

Бегбик (входит). Пушки уже едут, Уриа! Помогите мне сложить брезентовый навес. И разбирайте стены.

Солдаты разбирают стены и уносят мебель трактира. Остается только одна дощатая стена. Уриа вместе с вдовой Бегбик сворачивает брезентовый навес.

Бегбик.

Со многими людьми беседовать пришлось мне,

Внимательно я слушала различные сужденья,

И многие о многом говорили: мол, это вполне достоверно.

Но после те же люди утверждали

Обратное тому, что раньше говорили.

И нечто уже совершенно иное

Называли они достоверным.

Тогда я сказала себе, что в мире таком ненадежном

Всего достоверней сомнение.

Уриа уходит в глубину сцены.

(Идет за ним с бельевой корзиной. Проходя мимо Гэли Гэя, поет.)

Море хлещет тебя по ногам,

Не пытайся ступить на волну.

Пока ты стоишь в прибое,

Будет вдоволь новых волн.

Гэли Гэй. Вдова Бегбик, очень прошу вас, достаньте ножницы и отстригите мне бороду.

Бегбик. Зачем это?

Гэли Гэй. Уж я знаю зачем.

Бегбик отрезает у Гэли Гэя бороду, увязывает отрезанные волосы в платок и подходит к вагону. Вновь появляются солдаты.

НОМЕР ЧЕТВЕРТЫЙ

Уриа (выкрикивает). А теперь четвертый номер: расстрел Гэли Гэя в военном лагере Килькоа.

Бегбик (подходит к нему). Господин Уриа, у меня тут есть кое-что для вас. (Шепчет ему на ухо и протягивает платок, в котором завернута борода. Гэля Гэя.)

Уриа (подходит к яме, в которой сидит Гэли Гэй). Обвиняемый, что ты хочешь еще сказать?

Гэли Гэй. Достопочтенные судьи, я слыхал, что преступник, который продавал слона, был бородатым человеком, но ведь у меня нет бороды.

Уриа развязывает платок и показывает бороду Гэли Гэя, все смеются.

Уриа. А это что такое? Вот теперь уж ты окончательно изобличен. Тем, что ты остриг бороду, ты обнаружил свою нечистую совесть. Узнай же, человек без имени, что военно-полевой суд Килькоа приговорил тебя к смерти через расстреляние из пяти винтовок.

Солдаты вытаскивают Гэли Гэя из ямы.

Гэли Гэй (кричит). Этого не может быть!

Уриа. И тем не менее это произойдет. Слушай меня внимательно. Тебя расстреляют за то, что, во-первых, ты увел слона, принадлежащего армии, и продал его, что является кражей, во-вторых, за то, что ты продал слона, который вовсе не был слонем, что является подлогом, и, в-третьих, за то, что у тебя нет ни имени, ни паспорта и, значит, ты можешь быть даже шпионом, что является уже государственной изменой.

Гэли Гэй. Ох, Уриа, что я тебе сделал?

Уриа. А теперь собирайся и веди себя достойно, как следует настоящему солдату, как тебя учили в армии. Вперед, марш! На расстрел.

Гэли Гэй. Ох, да не спешите вы так. Ведь я вовсе не тот, кого вы ищете. Я его совершенно не знаю. Меня зовут Джип. Я готов присягнуть в этом. И что значит какой-то слон по сравнению с человеческой жизнью? Я не видел никакого слона. Я просто держал веревку. Пожалуйста, не уходите! Ведь я совсем не тот. Я вовсе не Гэли Гэй. Это я, а не он.

Джесси. Нет, ты именно тот, и никто иной. И сейчас в Килькоа прольется кровь Гэли Гэя у подножия трех пальм. Иди, Гэли Гэй.

Гэли Гэй. Что же это такое, боже мой! Постойте, нужно хоть протокол составить. Нужно записать все основания, нужно записать, что это был вовсе не я и что меня не зовут Гэли Гэй. Нужно все точно продумать. Нельзя же так просто, за здорово живешь, раз-два и прикончить человека.

Джесси. Шагом марш!

Гэли Гэй. Что значит "марш"? Ведь я не тот, кого вы ищете. Я ведь хотел только рыбу купить, но где же здесь найдешь рыбу? Что это там за пушки едут? Почему так гремит воинственная музыка? Нет, я никуда не уйду отсюда. Я буду за траву цепляться. Я требую, чтобы все это прекратилось. Почему же никто не вмешается, когда убивают человека?

Бегбик. Если вы не управитесь до тех пор, пока начнут грузить слонов, вы пропали! (Уходит.)

Гэли Гэя водят взад и вперед по сцене, он шествует словно герой трагедии.

Джесси. Дорогу осужденному, которого приговорил к смерти военно-полевой суд.

Солдаты. Смотрите, вот тот, кого должны расстрелять. Жаль все же, он еще не стар. Он и сам не знает, как он впутался в это дело.

Уриа. Стой! Хочешь в последний раз оправиться?

Гэли Гэй. Да.

Уриа. Следите за ним.

Гэли Гэй. Кто-то сказал, что им нужно будет уходить, как только придут слоны. Значит, нужно медлить, нужно оттягивать время, пока не пришли слоны.

Один из солдат. Поторапливайся!

Гэли Гэй. Не могу я торопиться. Что это, луна уже взошла?

Солдаты. Да... Уже поздно.

Гэли Гэй. А разве здесь не трактир вдовы Бегбик, где мы с вами выпивали?

Уриа. Нет, мой мальчик, здесь стрельбище. А это стенка, у которой солдаты мочатся. Внимание! Построиться в одну шеренгу! Заряжай! Но так, чтобы не больше пяти стрелков!

Один из солдат. Сейчас темно и плохо видно.

Уриа. Да, видимость плохая.

Гэли Гэй. Послушайте, так не годится. Вы же должны видеть, куда стреляете.

Уриа (обращаясь к Джесси). Возьми-ка вон тот бумажный фонарь и посвети на него. (Завязывает Гэли Гэю глаза. Кричит.) Заряжай! (Шепотом.) Ты что там делаешь, Полли? Ты и впрямь зарядил боевым патроном? А ну-ка, разряди!

Полли. Ох, извините, пожалуйста. Я и в самом деле чуть не зарядил по-настоящему. Могло бы произойти настоящее несчастье.

За сценой слышен топот проходящих слонов. Солдаты застывают на месте.

Вдова Бегбик (кричит за сценой). Слоны!

Уриа. Теперь уж ничто не поможет. Он должен быть расстрелян. Считаю до трех. Раз!

Гэли Гэй. Хватит, Уриа, хватит. Ведь и слоны уже прошли. Зачем же мне тут оставаться, Уриа? Почему вы все так ужасно молчите?

Уриа. Два!

Гэли Гэй (смеется). Какой ты смешной, Уриа. Я не вижу тебя, потому что вы мне завязали глаза. Но у тебя такой голос, словно все это по-настоящему, всерьез.

Уриа. Два и один...

Гэли Гэй. Стой, не говори три, не то сам потом пожалеешь. Ведь если вы будете стрелять, вы в меня попадете. Стой! Не надо. Слушайте! Я сознаюсь! Я сознаюсь, что не знаю, что со мной произошло. Поверьте мне и не смейтесь надо мной. Я действительно не знаю, кто я такой. Но я не Гэли Гэй, это уж точно. Я вовсе не тот человек, которого надо расстрелять. Но кто же я такой? Я и вправду забыл. Вчера вечером, когда шел дождь, я еще помнил. Ведь вчера вечером шел дождь, не правда ли? Прошу вас, посмотрите на меня, посмотрите сюда, откуда вы слышите мой голос. Это действительно я. Окликните это место, откуда доносится голос, назовите его Гэли Гэем или как-нибудь иначе, но только сжальтесь надо мной, дайте мне кусок мяса! Он исчезнет внутри того существа, которое раньше было Гэли Гэем, и все. Но если вы найдете человека, который забыл, кто он такой, так это я. И пожалуйста, прошу вас, отпустите вы его. Отпустите только один раз!

Уриа шепчет Полли на ухо. Полли становится позади Гэли Гэя и поднимает над его головой дубинку.

Уриа. Один раз не считается! Три!

Гэли Гэй кричит. Огонь!

Гэли Гэй падает без чувств.

Полли. Стой! Он сам упал.

Уриа (кричит). Стреляйте! Пусть он еще услышит, что он мертв.

Солдаты стреляют в воздух.

Оставьте его здесь, пусть лежит, а сами собирайтесь в поход.

Гэли Гэй остается лежать, все остальные уходят.

НОМЕР ЧЕТВЕРТЬ! И - А

Перед нагруженным вагоном стоит стол и пять стульев. За столом сидят вдова Бегбик и трое солдат. В стороне на земле лежит Гэли Гэй, накрытый мешком.

Джесси. Вот идет сержант. Как вы думаете, вдова Бегбик, удастся вам удержать его, чтобы он не совал нос в наши дела?

Входит Ферчайлд в штатском.

Бегбик. Конечно, удастся. Ведь сейчас это штатский человек. (Обращаясь к Ферчайлду.) Иди сюда, Чарлз, подсаживайся к нам.

Ферчайлд. Ты опять здесь расселась, блудница содомская. (Смотрит на Гэли Гэя.) Это еще что за пропойца?

Молчание.

(Ударяет кулаком по столу.) Встать, смирно!

Уриа (ударом сзади нахлобучивает на него шляпу). Заткнись ты, штафирка!

Смех.

Ферчайлд. Бунтуйте, бунтуйте, сукины дети! Глядите на мой штатский костюм и скальте зубы. Издевайтесь надо мною, чье имя прославлено от Калькутты до Куч-Бихара! Дайте мне выпить, и я вас всех перестреляю.

Уриа. Что ж, покажите нам, любезнейший Ферчайлд, покажите хоть раз, как вы стреляете.

Ферчайлд. Не стану.

Бегбик. В любом десятке баб не будет и одной, которую б не покорил стрелок лихой.

Полли. Стреляй, Ферчайлд!

Бегбик. Пожалуйста, ради меня!

Ферчайлд. О ты, блудница вавилонская! Ну так вот, я кладу сюда яйцо. С какого расстояния попасть в него?

Полли. С четырех шагов.

Ферчайлд отходит на десять шагов. Вдова Бегбик громко считает шаги.

Ферчайлд. Беру обычный армейский револьвер. (Стреляет.)

Джесси (поднимает яйцо). Яйцо невредимо.

Полли. Целехонько.

Уриа. Оно, пожалуй, даже несколько увеличилось в объеме.

Ферчайлд. Странно. Я был уверен, что попаду.

Громкий смех.

Дайте мне выпить! (Пьет.) Я вас всех раздавлю как клопов, недаром я прозван Кровавым пятериком.

Уриа. А за что это вас так прозвали - Кровавый пятерик?

Джесси (возвращаясь на место). А ну-ка, объясни!

Ферчайлд. Рассказать, мадам Бегбик?

Бегбик. Ни одна настоящая баба перед кровожадным мужчиной устоять "е могла бы.

Ферчайлд. Дело было на реке Джад. Стоят пять индусов, руки у них связаны. Подхожу я с обыкновенным армейским револьвером. Тычу им в рожи и говорю: этот револьвер частенько давал осечку, нужно его испытать; вот так, И при этом стреляю: бах-бах-бах. Падает один, и точно так же затем остальные четверо. Вот и все, господа. (Садится.)

Джесси. Значит, вот как вы заслужили ваше великолепное прозвище, из-за которого эта вдова стала вашей рабыней? С обычной человеческой точки зрения ваше поведение можно было бы признать и не совсем приличным, можно было бы даже сказать, что вы просто свинья.

Бегбик. Неужели вы так бесчеловечны?

Ферчайлд. Я был бы весьма огорчен, если бы вы действительно так подумали. Ваше мнение мне особенно дорого.

Вдова Бегбик. Вы считаетесь с моим мнением?

Ферчайлд (заглядывает ей в глаза). Целиком и полностью.

Бегбик. В таком случае мое мнение такое - пора укладывать трактир и, значит, не остается времени на личные дела. Слышите, уже начала грузиться конница и кавалеристы заводят своих кляч в вагоны.

За сценой слышен конский топот.

Полли. Неужели вы будете настаивать на удовлетворении ваших эгоистических потребностей, сударь, несмотря на то, что кавалеристы уже грузят коней, и несмотря на то, что в соответствии с военной необходимостью пора укладывать трактир?

Ферчайлд (орет). А я буду требовать своего! Дайте мне выпить!

Полли. Ну тогда мы не станем с тобой долго церемониться!

Джесси. Поглядите-ка, сударь, вон там неподалеку от нас лежит человек, накрытый грубой мешковиной. На нем мундир британской армии. Он отдыхает после тяжких дневных

трудов. Еще сутки назад он с чисто военной точки зрения был просто сосунком. Он пугался даже голоса своей жены. Без надлежащего руководства он не мог и тухлую рыбу купить. За одну сигару готов был забыть имя своего отца. Но вот им занялись несколько человек, которые случайно нашли для него место, и теперь он стал настоящим солдатом, хотя и прошел для этого некоторые болезненные испытания. Теперь он стал солдатом, который займет достойное место в грядущих боях. А ты, напротив, опустился до того, что стал штатским. В то самое мгновение, когда армия выступает в поход, чтобы навести порядок на северной границе, для чего всегда необходимо пиво, ты, грязный болван, сознательно препятствуешь владелице походного трактира закончить погрузку и прицепить свой вагон к нашему эшелону.

Полли. Хотелось бы знать, как ты сумеешь теперь провести переключку на вечерней проверке, как сможешь записать нас четверых в свою сержантскую книжку, где нам положено быть отмеченными?

Уриа. А как ты вообще предстанешь в таком виде перед строем роты, рвущейся в бой против несметных врагов? Встать!

Ферчайлд поднимается, пошатываясь.

Полли. И это называется - стоять? (Пинает его ногой в зад.)

Ферчайлд падает.

Уриа. И такую дрянь называли тайфуном в образе человека! Швырните эту падаль в кусты, чтобы его вид не деморализовал роту.

Трое солдат тянут сержанта в глубь сцены.

Солдат (вбегает, запыхавшись, останавливается посреди сцены). Здесь ли сержант Чарльз Ферчайлд? Генерал приказывает ему немедленно построить роту на товарной станции.

Ферчайлд. Не говорите ему, что это я.

Джесси. Здесь нет никакого сержанта Ферчайлда.

НОМЕР ПЯТЫЙ

Вдова Бегбик и трое солдат разглядывают Гэли Гэя, который все еще лежит, накрытый мешком.

Уриа. Итак, вдова Бегбик, наша работа почти закончена. Этого парня мы уже, кажется, полностью переделали.

Полли. В данную минуту ему, пожалуй, всего нужнее человеческий голос.

Джесси. Не найдется ли у Вас для такого случая, вдова Бегбик, человеческого голоса?

Бегбик. Да, найдется и голос и что-нибудь поесть. Возьмите этот ящик и напишите на нем углем: "Гэли Гэй", а под надписью поставьте крест.

Солдаты делают все, что она говорит.

А теперь составьте похоронную процессию и похороните его. Пусть все это продлится не дольше девяти минут, потому что уже два часа одна минута.

Уриа (выкрикивает). Пятый номер: похороны Гэли Гэя и надгробная речь над телом этой последней своеобразной личности в году тысяча девятьсот двадцать пятом.

Входят солдаты, на ходу укладывая ранцы.

Беритесь за этот ящик и стройтесь в приличную похоронную процессию.

Солдаты, подняв ящик, строятся в глубине сцены.

Джесси. А теперь я подойду к нему и скажу, чтобы он произнес надгробную речь над телом Гэли Гэя. (Обращаясь к вдове Бегбик.) Есть он, конечно, не станет.

Вдова Бегбик. Ну, такой, как он, будет есть, даже став бесплотным духом. (Подносит к Гэли Гэю корзину, поднимает мешок, дает ему поесть.)

Гэли Гэй. Давай еще!

Она продолжает кормить его; кивает Уриа, и по его сигналу похоронное шествие выходит на авансцену.

Кого это они там несут?

Бегбик. Одного парня, которого пришлось расстрелять в последнюю минуту.

Гэли Гэй. Как его имя?

Бегбик. Погоди, погоди - если не ошибаюсь, его звали Гэли Гэй.

Гэли Гэй. А что с ним теперь делают?

Бегбик. С кем?

Гэли Гэй. Да с этим Гэли Гэем.

Бегбик. Хоронят.

Гэли Гэй. А хороший это был человек или плохой?

Бегбик. О, это был очень опасный человек.

Гэли Гэй. Ну что ж, потому его в конце концов и расстреляли. Я присутствовал при этом.

Процессия движется вдоль сцены.

Джесси (останавливается и обращается к Гэли Гэю). Глядите-ка, вот он, Джип. Ты должен встать, Джип, и произнести надгробную речь на похоронах этого Гэли Гэя, ведь ты знал его, пожалуй, лучше, чем все мы.

Гэли Гэй. Эй, а вы-то меня видите?

Джесси показывает на него пальцем.

Правильно. А скажи, что я делаю теперь? (Сгибает руку.)

Джесси. Ты сгибаешь руку.

Гэли Гэй. Правильно. Я дважды согнул руку. А теперь что я делаю?

Джесси. Шагаешь, как положено солдату.

Гэли Гэй. А вы шагаете именно так?

Джесси. Именно так.

Гэли Гэй. А как вы ко мне обращаетесь, когда я вам нужен?

Джесси. Джип.

Гэли Гэй. А ну скажите разок - Джип, кругом марш.

Джесси. Джип, кругом марш! Погуляй вон там под пальмами и приготовь надгробную речь для похорон Гэли Гэя.

Гэли Гэй (медленно подходит к ящику). Он лежит в этом ящике? (Обходит вокруг группы солдат, которые держат ящик. Шагает все быстрее и быстрее, наконец пытается убежать.)

Бегбик (удерживает его). Что с тобой? Тебе нехорошо? От всех болезней в армии лечат касторкой, даже от холеры. Таких болезней, которые нельзя вылечить касторкой, у солдат не бывает. Хочешь касторки?

Гэли Гэй (качает головой).

Моя мать отметила в календаре

Тот день, когда я появился на свет,

Появился, пищал, то был я.

Комочек мяса, волос, ноготков,

То был я. И теперь это я.

Джесси. Да, Джерайя Джип, Джерайя Джип из Типерери.

Гэли Гэй. Тот самый, кто тащил корзину с огурцами, надеясь получить на чай. И кого обманул слон, и кто должен был спать, сидя на деревянной табуретке, спать наспех, потому что яе хватало времени, а в его хижине уже кипела вода для того, чтобы сварить рыбу. Но пулемет еще не был вычищен, и ему подарили сигару, и потом было пять винтовочных стволов, и среди них не доставало одного. Как же его звали?

Уриа. Джип, Джерайя Джип.

Слышны паровозные гудки.

Солдаты. Уже свистят паровозы.

- Теперь управляйтесь сами как знаете. (Бросают ящик на землю и разбегаются.)

Джесси. Через шесть минут отправляется наш эшелон. Он должен ехать с нами такой как есть.

Уриа. Послушай ты, Полли, и ты, Джесси. Друзья! Нас осталось только трое. Мы висим над пропастью на тонкой ниточке, и она уже надрезана. Слушайте внимательно, что я вам

скажу сейчас, в два часа ночи, здесь, у последней стены Килькоа. Этому парню, который нам нужен, мы должны предоставить еще немного времени, потому что именно сейчас он меняется, и меняется уже навсегда. Поэтому я, Уриа Шелли, вытаскиваю револьвер и говорю вам, что пристрелю на месте того, кто только шевельнется.

Полли. Но если он заглянет в ящик, мы пропали.

Гэли Гэй (садится рядом с ящиком).

Я б сразу умер, если б заглянул

В этот гроб, в обескровленное лицо,

Что когда-то мне было знакомо.

Его наблюдал я на глади воды,

Когда наклонялся над нею тот,

Кто теперь, как я знаю, мертв.

Поэтому гроб не могу я открыть.

Ведь во мне страх двоих; может быть,

Я и есть тот двойной, что сейчас лишь возник

На этом изменчивом лике земли

Безродной тварью, сходной с нетопырем,

Что между пальм висит над хижинною ночью,

Такою тварью, что хотела б веселиться.

Но кто один, тот, в сущности, никто.

Чтоб он стал кем-нибудь,

Необходим другой, чтобы назвал его, окликнул.

Потому

Хотел бы все же я взглянуть, что там внутри,

Взглянуть, пока я связь с родными ощущаю.

Возьмем, к примеру, лес. Существовал бы он,

Когда б никто через него не шел?

А странник, что идет там, где был раньше лес,

Что может он узнать о нем и о себе?

Он видит, как его следы

В болотистой земле водою заливают.

Что лужи объяснят ему?

Как думаете вы?

Откуда Гэли Гэю знать,

Что он и впрямь есть Гэли Гэй?

Если б ему отрубили руку

И он нашел бы ее потом

Где-нибудь в яме под стеной,

То разве Гэли Гэй узнал бы руку Гэли Гэя?

Разве крикнула бы его нога - это ведь наша рука?

Вот почему я в гроб не загляну.

К тому ж я убежден, что разница

Меж ДА и НЕТ не так уж велика.

И если б Гэли Гэй и не был вовсе Гэли Гэем,

У матери иной он грудь сосал бы,

А она была б матерью сына другого, раз уж

Она не его; но все равно он сосал бы.

Был бы рожден он в марте, а не в сентябре

Иль в сентябре минувшего уж года, то

Разница составила б всего неполный год.

Но именно за год и человек становится другим уж человеком.

И я, такой как есть, и я - совсем другой
Кому-то оба мы нужны зачем-то.
Я даже не взглянул на этого слона,
На самого себя гляжу теперь сквозь пальцы;
Отбрасываю все, что есть во мне дурного,
И становлюсь приятным.
За сценой шум отходящих поездов.

Гэли Гэй. Что это за поезда? Куда они отправляются?

Бегбик. Это армия выступает навстречу огнедышащим пушкам, навстречу битвам, которые должны произойти на севере. Этой ночью сто тысяч солдат уедут все в одном направлении. Они движутся с юга на север. И когда человек попадает в этот поток, он старается найти еще двоих, чтобы шагали рядом с ним; справа один и слева один. Он старается найти винтовку, и сумку для харчей, и жестяной жетон, чтоб потом, когда найдут его труп, известно было, чей именно он, чтоб дать ему место в братской могиле. Есть у тебя жестяной жетон?

Гэли Гэй. Да.

Бегбик. Что на нем написано?

Гэли Гэй. Джерайя Джип.

Бегбик. Ну что ж, коли так, Джерайя Джип, ты сначала умойся. Ты похож на кучу навоза. И собирайся побыстрее. Армия выступает в поход к северной границе. Ее ожидают огнедышащие пушки северного фронта. Вся армия страстно жаждет навести порядок в густонаселенных городах севера.

Гэли Гэй (умывается). А кто наш враг?

Бегбик. Этого еще не сообщали. Пока неизвестно, на какую страну пойдём войной. Но скорее всего на Тибет.

Гэли Гэй. Знаете ли, вдова Бегбик, все-таки один человек это еще ничто. Кто-то другой должен его окликнуть, чтобы он стал человеком.

Входят солдаты в походном снаряжении, с ранцами за спиной.

Солдаты. На посадку!

- По вагонам!

- Все в сборе?

Уриа. Сейчас. Давай надгробную речь, дружище Джип, надгробную речь!

Гэли Гэй (подходит к гробу). Подымите этот ящик, принадлежащий вдове Бегбик, в котором лежит этот таинственный труп, поднимите его на два фута кверху и затем опустите на шесть футов в глубину, заройте в земле Килькоа и выслушайте надгробную речь, которую произносит Джерайя Джип из Типерери, произносит с трудом, ибо он к ней не готовился. И все же я скажу. Здесь покоится Гэли Гэй-человек, которого расстреляли. Он вышел из дому утром, чтобы купить маленькую рыбу, но к вечеру имел уже большого слона и в ту же ночь был расстрелян. Дорогие мои, не думайте, что при жизни он был таким уж ничтожеством. Все-таки у него была собственная соломенная хижина на окраине города. Было и еще кое-что, о чем, впрочем, лучше промолчать. Он не совершил особенно тяжкого преступления, потому что был хорошим человеком. И что бы тут ни говорили, но, право же, это был совсем незначительный проступок. Я тогда был слишком пьян, господа, и к тому же - что тот человек, что этот, все равно; вот почему его пришлось расстрелять. Но сейчас уже становится прохладнее, как всегда перед рассветом, и я думаю, что нам пора уходить отсюда, здесь и так уж слишком неуютно. (Отходит от гроба.) Почему вы все так нагружены?

Полли. А потому, что мы сегодня должны отбыть в эшелоне к северной границе.

Гэли Гэй. Вот как, но почему же тогда я не нагружен?

Джесси. Действительно, почему он не нагружен?

Солдаты вносят вещи.

Вот твои вещи, начальник.

Солдаты тащат нечто завернутое в соломенные циновки.

Уриа. А этот пес не слишком торопился. Но мы еще за него возьмемся. (Указывая на сверток циновок.) И вот это называлось тайфуном в человеческом образе.

Все уходят.

Х {*}

Внутри движущегося вагона. Ночь; незадолго до рассвета. Солдаты спят в гамаках. Джесси, Уриа и Полли

бодрствуют, Гэли Гэй спит.

{* Нижеследующие две сцены, которые составляют окончание первого варианта (1925 г.), были позднее изъяты, так как предшествующая, девятая сцена достаточно раскрывала, зачем понадобилось превращение Гэли Гэя. (Прим. автора.)}

Джесси. Этот мир ужасен. Людям нельзя доверять.

Полли. Человек самое подлое и самое слабое из всех живых существ.

Джесси. Мы шагали сквозь пыль и брели по воде, по всем дорогам этой огромной страны от хребта Гиндукуша до великих равнин южного Пенджаба, но везде, от Бенареса до Калькутты, при солнце и при луне, мы видели измену. Подумать только - этот человек, которого мы приютили, отобрал все наши одеяла, так что нам теперь и поспать нельзя. Он скользкий, словно дырявая жестянка с жидким маслом. Он не знает никакой разницы между "да" и "нет", сегодня говорит одно, завтра другое. Зх, Уриа, мы уж не знаем, как тут быть. Пойдем к вдове Бегбик, она сторожит сержанта, чтобы тот не свалился с платформы. Пойдем попросим ее, пусть она ляжет теперь с этим, чтобы ему было приятно и он не приставал к нам с вопросами. Она хоть и стара, но еще не остыла, а мужчина сразу приходит в себя, когда рядом с ним лежит женщина. Идем, Полли!

Идут к Бегбик.

Послушай, вдова Бегбик, мы просто не знаем, что делать. Мы боимся, что заснем, а тут этот парень захворал. Пожалуйста, ляг рядом с ним и потом делай вид, что он переспал с тобой, так чтобы ему было приятно.

Бегбик (входит потягиваясь, заспанная). Ладно. Только вы трое отдайте мне ваше солдатское жалованье за семь недель.

Уриа. Ты получишь все наше жалованье за семь недель.

Бегбик ложится рядом с Гэли Гэем.

Джесси накрывает их газетами.

Гэли Гэй (просыпается). Почему так качает?

Уриа (обращаясь к другим солдатам). Это слон трется о твою хижину, чудак.

Гэли Гэй. Что это там шипит?

Уриа (обращаясь к другим). Это рыба кипит в котелке, мой милый.

Гэли Гэй (с трудом встает, выглядывает в окно). Тут баба. Спальные мешки. Там телеграфные столбы. Значит, я в поезде.

Джесси. Притворитесь, что спите.

Все трое притворяются спящими.

Гэли Гэй (подходит к одному из спальных мешков). Эй, ты!

Солдат. Чего надо?

Гэли Гэй. Куда вы едете?

Солдат (открывая один глаз). На фронт! (Продолжает спать.)

Гэли Гэй. Да это солдаты. (Поглядев снова в окно, будит другого солдата.) Господин солдат, который теперь час?

Солдат молчит.

Скоро утро. А какой сегодня день недели?

Солдат. Между четвергом и пятницей.

Гэли Гэй. Мне нужно сойти. Эй ты, пускай поезд остановится.

Солдат. Поезд не остановится.

Гэли Гэй. Ну что же, раз поезд не останавливается и все спят, то и я лягу и посплю, пока он не остановится. (Замечает вдову Бегбик.) Рядом со мной лежит женщина. Кто эта

женщина, которая провела ночь рядом со мной?

Джесси. Эй, приятель, доброе утро!

Гэли Гэй. Ах, как я рад вас видеть, господин Джесси.

Джесси. Однако и лихой же ты парень! Разлегся здесь с бабой, и тебе нипочем, что все могут на вас смотреть.

Гэли Гэй. Не правда ли, странно? Это, пожалуй, даже неприлично? Но вы ведь знаете, человек так устроен, что не всегда может и владеть собой, вот я, например, только что проснулся, и вдруг рядом со мной женщина.

Джесси. Да, вот она лежит.

Гэли Гэй. Поверите ли, со мной случается иногда такое, что я впрямь совершенно не знаю, кто именно та женщина, рядом с которой я утром просыпаюсь. И скажу уж вам напрямик - как мужчина мужчине, - эту я и совсем не знаю. Господин Джесси, окажите дружескую услугу, как мужчина -мужчине, не могли бы вы мне сказать, кто она такая?

Джесси. Ну и хвастун же вы. Да ведь это, само собой разумеется, вдова Леокадия Бегбик. Если б вы окунули голову в таз с водой, вы сразу же узнали бы свою подружку. А может быть, ты не знаешь, как тебя самого зовут?

Гэли Гэй. Знаю.

Джесси. Как же тебя зовут?

Гэли Гэй молчит.

Ты знаешь, как тебя зовут?

Гэли Гэй. Знаю.

Джесси. Ну вот и хорошо. Солдат должен знать, как его зовут, особенно когда он отправляется на войну.

Гэли Гэй. Разве сейчас война?

Джесси. Да, началась тибетская война.

Гэли Гэй. Тибетская. Да тот, кто в такое время не знал бы, кто он таков на самом деле, был бы, наверно, смешон, не правда ли? Ведь он же идет на войну. Сударь, вот вы сказали о Тибете, - эту Местность я уже давно хочу поглядеть. Один мой знакомый женился на женщине из провинции Сикким, что на тибетской границе. Она говорила, что там живут хорошие люди.

Бегбик. Джиппи, где ты?

Гэли Гэй. Кого это она зовет?

Джесси. Мне кажется, она зовет тебя.

Гэли Гэй. Я здесь.

Бегбик. Иди сюда, поцелуй меня, Джиппи.

Гэли Гэй. С удовольствием, но мне кажется, что вы меня принимаете за кого-то другого.

Бегбик. Джиппи!

Джесси. Этот господин делает вид, что он не совсем нормален. Он говорит, что не знаком с тобой!

Бегбик. Ах, как ты меня срамишь перед этим господином!

Гэли Гэй. Мне достаточно сунуть голову в таз с водой, и тогда я тебя немедленно узнаю. (Окунает голову в воду.)

Бегбик. Ну как, теперь ты меня узнал?

Гэли Гэй (явно врет). Да, конечно!

Полли. Значит, теперь ты знаешь и кто ты сам?

Гэли Гэй (хитро). А разве я не знал этого?

Полли. Не знал. Ты совсем было взбесился и называл себя чужим именем.

Гэли Гэй. Как же я себя называл?

Джесси. Я вижу, тебе все еще не стало лучше. Боюсь, что ты все еще опасен для окружающих. Потому что вчера вечером ты готов был убить того, кто называл тебя настоящим именем.

Гэли Гэй. Я знаю только, что меня зовут Гэли Гэй.

Джесси. Слышите, у него опять начинается все сначала. Давайте будем называть его Гэли Гэм, не то он опять взбесится.

Уриа. Да чего уж там! Вы можете корчить из себя сумасшедшего, господин Джип из Ирландии, можете до тех пор, пока вас не привяжут к столбу у трактира и не оставят там на ночь под дождем. Мы ваши боевые друзья, мы подружились еще тогда, в бою у реки Джад. И мы готовы отдать последнюю рубашку, чтобы облегчить ваше положение.

Гэли Гэй. Ну, рубашка - это уже лишнее.

Уриа. Называйте его так, как он хочет.

Джесси. Да помолчи ты, Уриа. Хочешь стакан воды, Гэли Гэй?

Гэли Гэй. Да, это мое имя.

Джесси. Разумеется, Гэли Гэй. Какое же у тебя может быть другое имя? Ты только успокойся, приляг! А завтра мы тебя отправим в лазарет, положим в красивую кровать, тебя будут поить касторкой, и все будет в порядке, дорогой Гэли Гэй. Эй вы там, тише, наш товарищ Джип, то есть Гэли Гэй, заболел.

Гэли Гэй. Осмелюсь сказать, господа, я не понимаю, что происходит. Когда иной раз нужно тащить чемодан, то у нас говорят - как бы он ни был тяжел, но у каждого чемодана есть свое слабое место.

Полли (нарочито таинственно обращается к Джесси). Вы только следите за ним и не допускайте, чтоб он залез в свою нагрудную сумку. Не то он прочтет в паспорте свое настоящее имя и опять будет припадок бешенства.

Джесси. А хорошее все-таки дело паспорт. Как легко иной раз о чем-нибудь забываешь! Вот у нас, у солдат, которые не могут же запомнить все наизусть, на такой случай имеется нагрудная сумка, которую носят на шнурке, а в сумке хранится паспорт, где записано имя солдата. Потому что если самому слишком много размышлять над своим именем, то ничего хорошего из этого не выйдет.

Гэли Гэй (отходит в глубину сцены, угрюмо рассматривает свой паспорт и возвращается в угол, на прежнее место). Теперь я уже вообще ни о чем не стану думать. Я просто усядусь и буду считать телеграфные столбы.

Голос сержанта Ферчайлда. О, проклятье, о, какое ужасное пробуждение! Где мое имя, прославленное от Калькутты до Куч-Бихара? Пропал даже мундир, который я носил! Они сунули меня в поезд, как теленка в повозку мясника. Они заткнули мне рот штатской шляпой, и весь эшелон уже знает, что я больше не Кровавый пятерик. Я должен встать и так разделаться с этим эшелонном, чтоб его пришлось сдать в металлолом, как раздавленную жестяную трубу. Все будет очень просто.

Джесси. Ага, Кровавый пятерик проснулся! Эй, вдова Бегбик, проснись!

Входит Ферчайлд в испачканном штатском костюме.

Гэли Гэй. Разве и с вашим именем что-нибудь не в порядке?

Ферчайлд. Ты самый жалкий из всех, и тебя я раздавлю первым. Еще сегодня я вас всех искрошу так, что вас ложками собирать придется. (Замечает сидящую в углу вдову Бегбик.)

Она улыбается.

Будь я проклят! Она все еще здесь, это исчадие Содомы и Гоморры. Что ж ты сделала со мной, из-за чего я перестал быть Кровавым пятериком? Изыди отсюда!

Вдова Бегбик смеется.

Во что это я одет? Разве мне это приличествует? И что у меня за башка на плечах? Неужели это приятно? Неужели мне снова ложиться с тобой, блудница содомская?

Бегбик. Если хочешь, пожалуйста!

Ферчайлд. Я не хочу этого, изыди! Вся страна смотрит на меня. Я был величайшим рубакой. Меня прозвали Кровавый пятерик. Страницы истории густо исписаны этим прозвищем.

Бегбик. Ну если не хочешь, то и не надо!

Ферчайлд. Разве ты не знаешь, что моя мужская сила делает меня слабым, когда я вижу тебя?

Бегбик. Так избавься от своей мужской силы, парень, вырви ее с корнем!

Ферчайлд. Понятно. Можешь больше не повторять! (Уходит.)

Гэли Гэй (кричит ему вслед). погоди! Не делай ничего только ради имени. Ведь имя изменчиво, непостоянно. Ему нельзя доверять.

Голос Ферчайлда. Все очень просто. Решение найдено. Вот веревка, вот револьвер. Тут нечего размышлять. Мятежников необходимо расстреливать. Все очень просто! "Собирай вещички, Джонни". На этом свете мне уж не придется тратиться на девчонок. Именно так. Все очень просто. Даже моя трубка не успеет погаснуть. Я беру на себя ответственность. Я должен это сделать для того, чтобы остаться Кровавым пятериком. Огонь!

Раздается выстрел.

Гэли Гэй (который все время стоял у двери, смеется). Огонь!

Голоса солдат (из передних и задних вагонов).

Вы слышали крик?

- Кто там кричал? С кем-то что-то случилось.

Во всех вагонах перестали петь.

- Слушайте.

Гэли Гэй. Я знаю, кто кричал и почему! Этот господин ради своего имени сам над собой совершил кровавую расправу. Он отстрелил свою мужскую силу. Какое счастье для меня, что я все это видел: теперь я понимаю, куда может завести упрямство и какие страшные опасности грозят человеку, если он всегда недоволен самим собой и слишком много значения придает своему имени! (Подбегает к вдове Бегбик.) Не думай, что я тебя не узнал, я тебя отлично знаю. Впрочем, это совершенно безразлично. Скажи мне только поскорее, далеко ли мы отъехали от того города, где мы с тобой встретились?

Бегбик. На расстояние многих дневных переходов, и с каждой минутой число их возрастает.

Гэли Гэй. Сколько всего дневных переходов?

Бегбик. В ту минуту, когда ты меня спросил об этом, было уже, наверно, сто дневных переходов.

Гэли Гэй. А сколько людей едут с нами в Тибет?

Бегбик. Сто тысяч! Один человек тут ничто.

Гэли Гэй. Не может быть! Сто тысяч! А чем они кормятся?

Бегбик. Сушеной рыбой и рисом.

Гэли Гэй. И все едят одно и то же?

Бегбик. Все одно и то же.

Гэли Гэй. Не может быть! Все одно и то же.

Бегбик. И у всех есть гамаки для спанья. У каждого свой собственный. И холщовые мундиры на лето.

Гэли Гэй. А на зиму?

Бегбик. На зиму хаки.

Гэли Гэй. А женщины?

Джесси. Одна на всех.

Гэли Гэй. Одна на всех?

Бегбик. Но теперь ты знаешь, кто ты такой?

Гэли Гэй. Меня зовут Джерайя Джип. (Подбегает к трем солдатам и показывает им свой паспорт.)

Джесси (обмениваясь улыбками с приятелями). Вот это правильно, ты умеешь постоять за свое имя, дружище Джип!

Гэли Гэй. А когда можно поесть?

Полли приносит тарелку риса.

Да, мне необходимо поесть. (Ест.) Как вы сказали, сколько дневных переходов проезжает поезд в одну минуту?

Бегбик. Десять.

Полли. Поглядите только - он уже почти освоился. Как он тарашится на все, подсчитывает телеграфные столбы и радуется тому, что мы так быстро движемся!

Джесси. А я не могу этого видеть. Отвратительно смотреть, как мамонт, которому подставили под нос парочку винтовочных стволов, согласен скорее превратиться в вошь, чем достойно отправиться к праотцам.

Уриа. Но как раз это и является доказательством жизненной силы. И если теперь не появится, чего доброго, сам Джерайя Джип со своей песней "Что тот солдат, что этот солдат - все едино, как нам говорят", тогда можно считать, что все опасности позади.

Солдат. Что это за шум?

Уриа (злобно ухмыляясь). Это уже доносится гром пушек. Ведь мы приближаемся к предгорьям Тибета.

Гэли Гэй. Не найдется ли у вас еще рису?

XI

Далеко, в глубине Тибета расположена горная крепость Зир Эль Джоур.

На вершине холма сидит в ожидании Джерайя Джип. Слышен грохот орудий.

Голоса (снизу). Дальше не пройти!

- Мы наткнулись на горную крепость Зир Эль Джоур, которая запирает перевал, ведущий в Тибет.

Голос Гэли Гэя (из-за холма). Бегом, бегом! Не то опоздаем!

Входит Гэли Гэй, таща на спине пушечный лафет.

Все вон из вагонов! С ходу в бой! Вот так мне по душе! Пушка, это обяывает!

Джип. Скажите, вы не встречали здесь отделение пулеметчиков, в котором было бы всего три солдата?

Гэли Гэй (продолжая двигаться неудержимо, как боевой слон). А такого вообще не бывает, господин солдат. Вот, например, наше отделение состоит из четырех солдат; один справа от тебя, другой слева и один сзади. Таков порядок, так можно преодолеть любой перевал.

Бегбик (выходит на сцену, таща на спине пушечный ствол). Не беги так, Джиппи! Право же, у тебя сердце как у льва.

Входят трое солдат; они, кряхтя, тянут за собой пулемет.

Джип. Хелло, Уриа. Хелло, Джесси. Хелло, Полли. Ну вот я и вернулся.

Трое пулеметчиков делают вид, что не замечают его.

Джесси. Нужно немедленно установить пулемет.

Уриа. Пушки грохочут уже так громко, что собственного голоса не слышишь.

Полли. Мы не должны спускать глаз с крепости Зир Эль Джоур.

Гэли Гэй. Я хочу стрелять первым. Нас что-то задерживает, и помеху нужно убрать. Нельзя же заставлять ждать стольких порядочных людей. Гора от этого не разрушится. Джесси, Уриа, Полли, битва только начинается, а я уже испытываю непреодолимое желание вцепиться зубами в глотку врага.

Гэли Гэй вместе с вдовой Бегбик устанавливают пушку.

Джип. Хелло, Джесси. Хелло, Уриа. Хелло, Полли! Как дела? Давненько я вас не видел. Мне пришлось малость задержаться. Надеюсь, у вас не было неприятностей из-за меня? Никак не мог управиться раньше. Зато теперь очень рад, что опять с вами. Но почему же вы молчите?

Полли. Что вам угодно, сударь? (Ставит перед Гэли Гэем на пушечный лафет миску с рисом.) Не хочешь ли съесть еще одну порцию риса? Ведь битва скоро начнется.

Гэли Гэй. Давай! (Ест.) Итак, сперва я съем свою порцию риса, потом выпью полагающееся мне количество виски. А пока буду есть и пить, стану осматривать горную крепость с тем, чтобы обнаружить ее уязвимые места. После этого нам уже будет нетрудно с ней управиться.

Джип. Полли, у тебя как будто голос изменился. Но ты все такой же шутник. А я вот был занят, меня втянули в одно доходное предприятие. Но все же я его покинул. И

разумеется, только ради вас. Надеюсь, вы не сердитесь на меня?

Уриа. Позвольте вам сказать, что вы, вероятно, ошиблись дверью.

Полли. Мы вас совершенно не знаем.

Джесси. Возможно, мы когда-нибудь встречались. Но, сударь мой, ведь в армии столько народу!

Гэли Гэй. Я хотел бы получить еще порцию риса. Уриа, ты еще не отдал мне свою долю.

Джип. А вы и вправду все очень изменились.

Уриа. Весьма возможно: такова уж армейская жизнь.

Джип. Но ведь это я, ваш товарищ Джип.

Трое солдат смеются. Потом начинает смеяться Гэли Гэй, и тогда они замолкают.

Гэли Гэй. Давай еще порцию! У меня сегодня перед боем отличный аппетит. Потому что эта горная крепость мне все больше и больше нравится.

Полли подает ему третью миску,

Джип. Кто он такой, этот пожиратель ваших порций?

Уриа. А это никого, кроме нас, не касается.

Джесси. Видите ли, вы ни в коем случае не можете быть нашим Джипом. Потому что наш Джип никогда бы нас не предал, никогда бы нас не покинул. Наш Джин никому не позволил бы себя удерживать. И следовательно, вы никак не можете быть нашим Джипом.

Джип. И все-таки это я.

Уриа. А где доказательства? Где доказательства?

Джип. Неужели никто из вас меня не узнает? Ну так слушайте же меня и запоминайте, что я вам скажу. Вы очень жестокие люди, но скоро наступит и ваш конец. Отдайте мой паспорт.

Гэли Гэй (подходит к Джипу с миской в руках). Ты что-то путаешь. (Возвращается к солдатам.) У него, видать, не все дома. (Снова к Джипу.) Вы, должно быть, давно не ели? Не подать ли вам стакан воды? (Снова к солдатам.) Не нужно его раздражать. (К Джипу.) Вы не знаете, кто вы такой? Ну это ничего. Присаживайтесь, отдохните, пока мы закончим бой. Пожалуйста, не ходите туда, где стреляют пушки. Для этого нужны очень большие душевные силы. (Обращаясь к трем солдатам.) Он совсем ничего не соображает. (К Джипу.) Разумеется, вам нужен паспорт. Кто же вам позволит слоняться без паспорта? Послушай-ка, Полли, возьми в зарядном ящике там, где лежит мегафон, старый паспорт этого, как его, Гэли Гэя - того самого, которым вы раньше меня дразнили.

Полли убегает.

Знаете ли, тот, кто побывал в джунглях, там, где тигр гоняется за ягуаром, тот отлично понимает, как это важно, чтобы все было ясно - черным по белому - кто, откуда, почему. Ведь сегодня, куда ни поглядишь, везде встретишь людей, готовых похитить у человека его имя. А я то уж знаю, чего стоит имя. Эх вы, мальчишки, и почему только вы раньше, вместо того чтоб называть меня Гэли Гэем, не назвали меня сразу же НИЧЕМ или НИКЕМ. Это опасные шутки. Они могли бы очень плохо кончиться. Но я говорю: кто старое помянет... (Дает Джипу паспорт.) Вот паспорт, берите. Есть у вас еще какие-нибудь пожелания?

Джип. Ты, пожалуй, самый лучший из них. У тебя, во всяком случае, хоть сердце есть. Но вас я проклинаяю.

Гэли Гэй. Чтоб вы не услышали неприятных слов, я сейчас порадую вас пушечным громом. Вдова Бегбик, покажи мне, что тут нужно делать.

Они вдвоем наводят пушку на крепость и начинают заряжать.

Джип. Пусть ледяные ветры Тибета заморозят вас до мозга костей, пусть вы никогда больше не услышите портовый колокол Килькоа, вы, дьяволы! Пусть вам будет суждено шагать до самого крайнего предела земли и снова поворачивать обратно и так вышагивать множество раз. Пускай сам дьявол - ваш наставник, не захочет вас иметь у себя, когда вы постареете, чтоб вам тогда все еще шагать, не зная отдыха, днем и ночью, шагать и в пустыне

Гоби и вдоль зеленых полей Уэльса. Все это постигнет вас за то, что вы предали товарища в беде.

Трое солдат молчат.

Гэли Гэй. Ну вот, а теперь я управлюсь с этой крепостью. Потребуется не больше пяти орудийных выстрелов.

Раздается первый выстрел.

Бегбик (закуривает сигару). Ты в самом деле из породы тех великих вояк, что в былые времена делали армию такой ужасающе грозной. Пятеро таких, как ты, смертельно опасны для женщины.

Раздается второй выстрел.

Мне точно известно, что во время битвы у реки Джад самые лучшие солдаты роты мечтали о моих поцелуях. За то, чтоб провести ночь с Леокадией Бегбик, люди отказывались от виски и копили деньги, по два раза откладывая свое жалованье. И среди них такие, чьи имена славились от Калькутты до Куч-Бихара не меньше, чем имя Чингиз-хана.

Раздается третий выстрел.

Одно объятие обожаемой ирландки уже успокаивало их кровь. И вы можете прочесть в "Таймсе", как спокойно сражались они в боях у Бурабея, Каматкуры и Дагута.

Раздается четвертый выстрел.

Гэли Гэй. А теперь все, что сооружено на этой горе, рухнет!

Горная крепость Зир Эль Джоур начинает дымиться.

Полли. Смотрите!

Входит Ферчайлд.

Гэли Гэй. Вот здорово. Теперь уже не удерживайте меня, я вошел во вкус.

Ферчайлд. Что ты здесь наделал? Погляди-ка туда! Сейчас я засуну тебя с головой в муравейник, не то ты еще расстреляешь все горы Гиндукуша. Моя рука не дрогнет. (Вытаскивает револьвер и наводит его на Гэли Гэя.) Моя рука бестрепетна. Все очень просто. Ты в последний раз глядишь на белый свет.

Гэли Гэй (исступленно заряжает). Еще один выстрел, еще только один, пятый выстрел!

Раздается пятый выстрел. Снизу доносятся радостные крики: "Горная крепость Зир Эль Джоур пала! Пала крепость, которая преграждала путь через перевал! Армия вступает в Тибет!"

Ферчайлд. Ах вот оно что. Я снова слышу привычную поступь войск. И я пойду к ним навстречу. (Сталкивается с Гэли Гэем.) Кто ты такой?

Голос солдата (снизу). Кто он? Кто герой, разрушивший горную крепость Зир Эль Джоур?

Гэли Гэй. Одну минутку. Полли, подай-ка мне мегафон из снарядного ящика, и я им объясню, кто я.

Полли приносит мегафон, подает его Гэли Гэю.

Гэли Гэй (кричит в мегафон). Это сделал я, Джерайя Джип, один из вас!

Джесси. Да здравствует Джерайя Джип, человек-танк!

Полли. Смотрите!

Горная крепость горит. Издали доносится тысячеголосый крик ужаса.

Голос издали. Охвачена пламенем горная крепость Зир Эль Джоур, в которой укрывались семь тысяч беженцев из провинции Сикким, крестьяне, ремесленники и купцы, большей частью прилежные и дружелюбные люди.

Гэли Гэй. Ох! - Но мне то что до этого? Я слышу крики ужаса и крики ликования.

И вот уж меня охватило желание

Вцепиться зубами в глотку врага,

Древний позыв убивать

Кормильцев семей, исполняя

Завоевателей

Приказ.

Дайте мне ваши паспорта.
Солдаты подают ему паспорта.
Полли. Полли Бейкер.
Джесси. Джесси Махони.
Уриа. Уриа Шелли.

Гэли Гэй. Джерайа Джип. Вольно! Итак, мы переходим границу застывшего во льдах Тибета.

Все четверо уходят.

ПРИЛОЖЕНИЕ

СЛОНЕНОК

ИНТЕРМЕДИЯ В ФОЙЕ

Театр Под каучуковыми деревьями сооружена дощатая эстрада. Перед ней стоят стулья.

Полли (перед занавесом). Для того чтобы вы смогли в полной мере испытать воздействие драматического искусства, мы призываем вас курить сколько влезет. Здесь перед вами выступают лучшие в мире артисты, вам подаются самые доброкачественные напитки, сидите вы в удобных креслах. Пари о том, чем кончится действие, можно заключить у стойки бара. Занавес опускается и представление прерывается для того, чтобы зрители могли заключать пари. Просим также не стрелять в аккомпаниатора, он делает что может. Кто не сразу поймет смысл действия, пусть не ломает голову. Оно в самом деле непонятно. Если вы хотите посмотреть на то, что имеет смысл, можете отправляться в уборную. Деньги за билеты ни в коем случае не возвращаются. Наш товарищ Джип имеет честь играть роль слоненка. Если вы полагаете, что это слишком трудно, то могу сказать только, что артист должен все уметь.

Солдат (голос снизу). Браво!

Полли. Здесь перед вами выступит Джесси Махони в роли матери слоненка Джекки Полл и Уриа Шелли, известный знаток международного конного спорта, в роли месяца. Кроме того, вы с удовольствием увидите и меня лично в очень важной роли бананового дерева.

Солдат. Начинайте наконец и подумайте о том, что десять центов бесстыдно высокая цена за такую чепуху.

Полли. Позвольте вам сказать, что подобные грубые нападки нас несколько не задевают. В пьесе речь идет главным образом о преступлении, которое совершил слоненок. Я сообщаю вам об этом, чтобы нам потом не пришлось давать дополнительные объяснения по ходу действия.

Уриа (голос из-за занавеса). О преступлении, которое якобы было совершено.

Полли. Что верно, то верно. Дело в том, что я прочел только свою собственную роль. Оказывается, слоненок не виновен.

Солдаты (скандируют хором). Начинать! Начинать! Начинать!

Полли. Пожалуйста. (Уходит за занавес.) А я все-таки побаиваюсь, не слишком ли дорого мы брали за вход. Как вы думаете?

Уриа. Теперь уже нелепо рассуждать об этом. Остается только нырнуть как в воду.

Полли. Все горе в том, что пьеса очень слаба. Ты, Джесси, видно, плохо помнишь, как это делается в настоящем театре. Я думаю, что ты забыл о самом главном, Джесси. Стойте, погодите еще минутку, мне нужно сходить в уборную.

Занавес поднимается.

Я банановое дерево.

Солдат. Наконец-то!

Полли. Я - судья джунглей. Я стою здесь в засушливой степи южного Пенджаба - стою с тех самых пор, как были изобретены слоны. Иногда - чаще всего это бывает по вечерам - приходит ко мне месяц и подает жалобу на кого-нибудь, например на слоненка.

Уриа. Не спеши так! А то уже половину отбарабанил! Ведь все заплатили по десять центов. (Выходит на сцену.)

Полли. Здорово, месяц! Откуда ты так поздно?

Уриа. Видишь ли, я тут услышал такое про некоего слоненка...

Полли. Ты подаешь на него жалобу?

Уриа. Разумеется.

Полли. Следовательно, слоненок совершил преступление?

Уриа. Вот именно, ты абсолютно прав в своих предположениях. Это еще одно доказательство твоей проницательности, от которой ничто не может укрыться.

Полли. Ну это пустяки. А не убил ли слоненок свою мать?

Уриа. Вот именно.

Полли. Да ведь это ужасно.

Уриа. Чудовищно.

Полли. И куда только я засунул свои роговые очки!

Уриа. Вот у меня случайно есть пара очков. Лишь бы они тебе подошли.

Полли. Они бы мне подошли, если бы в них были стекла. Но ведь здесь одна оправа, без стекол.

Уриа. И все же это лучше, чем ничего.

Полли. Странно, что никто не смеется!

Уриа. Да, это удивительно. И посему я обвиняю месяц, то есть слоненка.

Медленно входит слоненок.

Полли. Ага, вот он, этот милейший слоненок. Откуда ты идешь?

Гэли Гэй. Я слоненок, у моей колыбели стояли семь раджей. Чему ты смеешься, месяц?

Уриа. Продолжай, продолжай, говори, слоненок!

Гэли Гэй. Меня зовут Джекки Полл. Я иду гулять.

Полли. Я слышал, что ты убил свою мать?

Гэли Гэй. Нет, я только разбил ее крынку с молоком.

Уриа. Но ты разбил эту крынку об ее голову, об ее голову!

Гэли Гэй. Нет, месяц, я разбил ее о камень, о камень!

Полли. А я тебе говорю, что ты ее убил, это так, или я не банановое дерево!

Уриа. И я засвидетельствую, что это так, или я не месяц. Моим первым доказательством будет вон та женщина.

Входит Джесси, играющий роль матери слоненка.

Полли. Кто это?

Уриа. Это мать.

Полли. Но разве это не удивительно?

Уриа. Нисколько.

Полли. Однако я нахожу несколько странным, что она все-таки здесь.

Уриа. А я не нахожу.

Полли. Ну что ж, тогда пусть она останется. Но, разумеется, это еще должно быть доказано.

Уриа. Но ведь ты же судья.

Полли. Вот именно. Итак, слоненок, докажи, что ты не убивал свою мать.

Солдат (снизу). Да чего тут доказывать, когда она сама здесь стоит!

Уриа (обращаясь к нему). В том-то и дело!

Солдат. С самого начала сплошная чепуха. Ведь мамаша сама здесь стоит! Теперь мне пьеса уже нисколько не интересна.

Джесси. Я мать слоненка, и я держу пари, что мой маленький Джекки сможет отлично доказать, что он не убийца. Не правда ли, Джекки?

Уриа. А я держу пари, что он никогда не сможет этого доказать.

Полли (кричит). Занавес!

Зрители молча идут к стойке бара и громко и ожесточенно заказывают коктейли.

(За занавесом.) Все прошло очень хорошо; не было ни одного свистка.

Гэли Гэй. Но почему же никто не аплодировал?

Джесси. Вероятно, они слишком потрясены.

Полли. Ведь это так интересно!

Уриа. Покажи им голые ляжки девиц из варьете, и они бы поразбивали все скамьи. Выйди-ка, нужно попытаться организовать пари.

Полли (выходит). Господа...

Солдаты. Стой! Антракт слишком короток! Дай нам сначала выпить!

- Здесь без этого не обойдешься!

Полли. Мы хотели только спросить, не желаете ли вы заключать пари. Я имею в виду две противоположные точки зрения: чья возьмет, мамашина или месяца.

Солдаты. Какое бесстыдство! Они хотят выкачать еще денег!

- Нет, подождем, когда они по-настоящему разойдутся.

- Сначала всегда не клеится.

Полли. Итак! Кто ставит на мамашу, иди сюда.

Никто не выходит.

Кто ставит на месяц, иди туда.

Никто не выходит. Полли, встревоженный, скрывается за занавесом.

Уриа (за занавесом). Ну как, никто не ставит?

Полли. Да не очень спешат. Они, видимо, думают, что самое главное еще предстоит, и это меня очень беспокоит.

Джесси. Они так пьют, словно без этого невозможно слушать дальше.

Уриа. Нужно завести музыку, это их подбодрит.

Полли (выходит из-за занавеса). Сейчас будет играть граммофон! (Возвращается, поднимает занавес.) Итак, подойдите ко мне: месяц, мать и слоненок; сейчас мы произведем полное расследование этого таинственного преступления, и тогда оно станет очевидным также и для вас, для сидящих внизу. Скажи мне, Джекки Полл, как же ты вообще собираешься скрыть тот факт, что ты заколол свою достопочтенную мамашу?

Гэли Гэй. Ну ведь я вообще не мог этого сделать, ведь я только слабая девочка.

Полли. Вот как? А я утверждаю, Джекки Полл, что ты вовсе не девочка, как ты пытаешься доказать. И сейчас я приведу свое самое убедительное доказательство. Мне вспоминается одна диковинная история, которая произошла в годы моего детства в Уайтчепеле...

Солдат. В южном Пенджабе.

Громкий смех.

Полли. Вот именно, в южном Пенджабе, где один человек, который не хотел идти на войну, переделся в женское платье. И тогда пришел сержант и бросил ему в подол пулю, но он не раздвинул ноги, чтобы поймать ее юбкой, как это обычно делают девушки, а, наоборот, сжал колени - и сержант сразу догадался, что он мужчина. Вот так же я проверю и тебя. (Бросает пулю, Гэли Гэй сдвигает колени.) Итак, все вы видите, что этот слоненок является мужчиной. Занавес!

Опускается занавес. Слабые аплодисменты.

Полли. Необычайный успех, слышите! Поднимайте занавес! Выходите кланяться!

Занавес поднимается.

Аплодисментов больше не слышно.

Уриа. Они прямо-таки враждебно настроены. Нам не на что надеяться.

Джесси. Нужно просто все прекратить и вернуть деньги за билеты. Теперь уж речь может идти только о том, линчуют нас или не линчуют. Дело принимает очень серьезный оборот. Вы поглядите туда!

Уриа. Вот как, вернуть деньги за билеты? Ни в коем случае! Если возвращать деньги, то ни один театр на свете не мог бы существовать!

Солдат. Завтрадвигаемся в Тибет. Так-то, Джорджи. Может быть, это последние каучуконосы, в тени которых можно выпить коктейль за четыре цента. Погода нынче неподходящая для войны; а не то здесь было бы вполне приятно, если бы только эти там не

вздумывали устраивать представления.

Другой солдат. Я предлагаю спеть для развлечения какую-нибудь песню, например "Джонни, почишь сапоги".

Солдаты. Bravo! (Поют.) "Джонни, почишь сапоги..."

Уриа. Ну вот, теперь они сами стали петь. Нам необходимо продолжать.

Полли. Эх, если бы я тоже сидел там с ними! Именно эта песня про Джонни мне по душе. Вот если бы и мы придумали что-нибудь вроде этого! Ну ладно, продолжаем! (Поднимается занавес.) После того... (пытается перекрыть пение) после того как слоненок...

Солдат. Все еще про слоненка!

Полли. Я говорю, после того как...

Солдат. Солдатенок!

Полли. После того как это животное благодаря моему первому великому доказательству было разоблачено как мошенник, теперь я привожу второе, еще более великое доказательство.

Солдат. А ты не можешь его пропустить, Полли?

Уриа. Полли, не смей!

Полли. Я утверждаю, что ты, слоненок, - убийца! Поэтому докажи, что ты неспособен убивать, докажи, что, например, ты не можешь убить месяц.

Солдат. Это все неправильно! Ведь доказывать должен банан!

Полли. Вот именно! Следите только внимательно! Наступает особенно напряженный момент нашей драмы. Итак, я сказал, что ты должен доказать, что ты вообще никогда не мог бы никого убить. Например, не мог бы убить месяц. Так вот, взберись по этой лиане вверх и возьми с собой нож.

Гэли Гэй выполняет приказание. Месяц держит веревочную лестницу.

Солдаты (заставляют умолкнуть тех, кто продолжает петь). Тише!

- Карабкаться так вовсе не просто.

- Ведь из-за этой слоновьей головы он ни черта видеть не может.

Джесси. Лишь бы только он теперь не сорвался. А ну-ка, давай погромче, Уриа.

Уриа (кричит). Ох, ох, ох!

Полли. Что с тобой, месяц, почему ты кричишь?

Уриа. Потому что мне больно. Я уверен, что ко мне взбирается убийца!

Гэли Гэй. Подвесь лестницу к ветке, Уриа, а то ведь я тяжелый.

Уриа. Ох, он отрывает мне руку! Моя рука! Моя рука! Он отрывает мне руку!

Полли. Вот видите! Вот видите!

Гэли Гэй держит в руках искусственную руку Уриа и поднимает ее кверху.

Джесси. Это ужасно, Джекки, я никак не ожидала от тебя такого. Ты не мое дитя.

Уриа (поднимает вверх обрубок руки). Я свидетельствую, что он убийца.

Полли. Перед вами окровавленный обрубок, который служит убедительным свидетельством. И ты не смог доказать, что не способен на убийство. Ты так отделал месяц, что он наверняка истечет кровью еще до рассвета. Занавес!

Занавес опускается.

Полли (сразу же выходит к рампе). Те, кто хочет заключать пари, могут сделать это у стойки бара.

Солдаты (идут заключать пари). Ставлю один цент на месяц.

- Ставлю полцента на слоненка.

Уриа. Ну вот видите, теперь они наконец клюнули! Теперь все дело за тобой, Джесси. Давай монолог о материнской скорби.

Занавес поднимается.

Джесси.

Знаете ли вы, что такое мать?

Мягче сердца матери в свете не сыскать.

Ведь и вас когда-то под сердцем мать носила,
Материнская рука ведь и вас кормила,
Материнская слеза и для вас блистала,
Материнская нога путь вам пролагала.

Смех.

Растет над сердцем матери могильная трава.

Смех.

Душа ее пресветлая на небесах жива.

Смех.

Услышьте же, как мать скорбит,

Услышьте же, как мать скорбит

Смех.

О том, что с нею было.

Этого слоненка под сердцем я носила.

Громкий, продолжительный хохот.

Солдаты. Еще раз повтори! Уж это одно стоит десяти центов!

- Bravo!

- Ура! Трижды ура мамаше! Ура! Ура! Ура!

Занавес опускается.

Уриа. Продолжаем! Вот это успех! Все на сцену!

Занавес поднимается.

Полли. Итак, я доказал, что ты человек, способный совершить убийство. Теперь я спрашиваю тебя, слоненок: утверждаешь ли ты, что это твоя мать?

Солдаты. Это чертовски несправедливо, все, что они там показывают. Даже смотреть противно.

- Однако все здорово по-философски! Они там приготовили какойнибудь счастливый конец. Уж можете быть спокойны!

- Тише!

Полли. Разумеется, я не стану утверждать, что где-либо на свете существует ребенок, способный причинить даже малый ущерб своей родной матери. И это тем более невозможно в стране, управляемой нашей старой Англией.

Возгласы "браво".

"Правь, Британия, морями!"

Все поют: "Правь, Британия".

Благодарю вас, господа. До тех пор пока эту волнующую песню поют суровые мужские голоса, до тех пор в старой Англии будет все в порядке. Но продолжаем! Так как ты, слоненок, убил эту всеми любимую женщину и великую артистку,

Возгласы "браво".

то из этого следует, что ты, Джекки Полл, вообще не можешь быть ни сыном, ни дочерью этой прославленной женщины.

Возгласы "браво".

Это утверждаю я, а то, что банановое дерево утверждает, то оно и доказывает.

Аплодисменты.

Так вот ты, месяц Куч-Бихара, возьми кусок мела с биллиардного стола и нарисуй посередине сцены четкий круг. Затем возьми обыкновенную веревку и жди, пока эта столь глубоко потрясенная мать не войдет в середину этого, впрочем, очень плохо нарисованного круга. Затем осторожно возложи веревку на ее белую шею.

Солдаты. На ее прекрасную материнскую белую шею!

- На прекрасную, белую, материнскую шею!

Полли. Вот именно! А ты, мнимый Джекки Полл, возмись за другой конец веревки справедливости и стань против месяца за пределами круга, вот так. Теперь я спрашиваю тебя, о женщина: ты ли родила убийцу? Ты молчишь? Так вот. Я только хотел показать вам,

господа, как эта мать, представленная здесь, сама отворачивается от своего испорченного ребенка. Но я покажу вам много больше, ибо скоро взойдет грозное солнце справедливости, которое осветит самые потаенные глубины.

Аплодисменты.

Солдаты. Только не зарывайся, Полли!

- Тшшш!

Полли. Последний раз спрашиваю тебя, Джекки Полл: утверждаешь ли ты, что являешься сыном этой несчастной женщины?

Гэли Гэй. Да.

Полли. Так-так. Значит, ты уже сын. Раньше ты говорил, что ты дочь, но твои показания вообще не слишком точны. Сейчас мы перейдем к самому важному из всех, что были прежде, и превосходящему все, что вы видели, господа, абсолютно удовлетворительному, доподлинному, главному доказательству. Итак, если ты, Джекки Полл, дитя этой матери, то у тебя должно быть достаточно силы для того, чтобы вытащить из круга и перетянуть на свою сторону эту якобы твою мать, ведь это же ясно.

Аплодисменты.

Солдаты. Совершенно ясно! Ясно, как в тумане!

- Стой! Это совершенно неправильно!

- Джекки, не поддавайся, главное, держись правды.

Полли. По счету три - начинай тянуть!

Вся публика. Раз-два-три!

Полли. Тяни!

Гэли Гэй тащит Джесси из круга на свою сторону.

Джесси. Стой! Хватит! Черт вас подери! Вот еще придумали! Ой, моя шея!

Солдаты. Что значит - шея? Тяни, Джекки.

- Хватит! Он уже весь посинел.

Джесси. Помогите!

Гэли Гэй. А я перетянул! Я перетянул!

Полли. Вот видите? Что вы теперь скажете? Приходилось ли вам когда-нибудь встречаться с такой жестокостью? Но теперь эта противоестественная лживость получит по заслугам.

Шумные аплодисменты.

Дело в том, что ты ужасно заблуждался. Когда ты стал так жестоко тянуть, то доказал вовсе не то, что собирался доказывать, а доказал нечто прямо противоположное. А именно то, что ты никогда не мог быть ни сыном, ни дочерью этой многострадальной матери. Таким образом, ты сам вытянул правду на свет божий, Джекки Полл!

Солдаты. Ого!

- Браво!

- Возмутительно!

- Хороша семейка!

- Убирайся к чертям, Джекки, с тобой все кончено!

- Это надувательство.

- Не уступай, держись за правду, Джекки!

Полли. Итак, господа, я думаю, что этого достаточно. Таким образом, наше доподлинное, главное доказательство можно считать завершенным. Слушайте меня внимательно, господа. Очень прошу прислушаться ко мне и тех, кто вначале думал, что нужно скандалить, а также тех, кто поставил свои денежки на этого изрешеченного доказательствами слоненка, веря, что он не является убийцей. Слушайте все, этот слоненок - убийца! Этот слоненок, который вовсе не дочь своей почтенной матери, как он утверждал, а, напротив, сын, как я это доказал, но также и не сын, как вы сами в этом убедились, и вообще не дитя этой матери, которую он, в общем, убил, хотя она и стоит здесь у вас на глазах так, словно с ней ничего и не случилось, что, впрочем, вполне естественно, хотя и никогда и

нигде еще не бывало, как я вам доказал, а вообще я доказываю все, а утверждаю еще больше, и тут уж меня не собьешь ничем, и я настаиваю на всем, что мне кажется, и доказываю даже то, что только кажется, почему и спрашиваю вас: разве что-нибудь может существовать без доказательства?

Аплодисменты становятся все более неистовыми.

Без доказательств человек вообще не человек, а обезьяна, как это уже доказал Дарвин, и где бы тогда был прогресс? И если ты еще хоть бровью поведешь, ты, жалкое ничтожество, ты, начиненный ложью слоненок, фальшивый до мозга костей, то я вообще докажу - что, впрочем, я сделаю при всех условиях, и это, пожалуй, самое главное во всем нашем деле, господа, - что этот слоненок вообще не слоненок, а в лучшем случае Джерайя Джип из Типерери.

Оглушительная овация.

Солдаты. Ура!

Гэли Гэй. Так не годится!

Полли. А почему не годится?

Гэли Гэй. Потому что это не по правилам. Возьми свои слова обратно.

Полли. Ведь ты убийца.

Гэли Гэй. Это неправда!

Полли. Ведь я же доказываю это, доказываю, доказываю.

Гэли Гэй, крикнув, набрасывается на банановое дерево. Подставка шатается под его натиском.

(Падая.) Вот видите, вот видите!

Уриа. Ну теперь ты уже явный убийца. Полли (со стоном). И доказал это я.

Занавес

Уриа. Скорей, песню!

Четверо участников спектакля (поспешно выстраиваются перед занавесом и поют).

Эх и весело жилось нам в Уганде!

За семь центов получали кресло на веранде.

Там сражались в покер мы со старым тигром,

Эх, игра лихая, страсти, как в бою.

Шкуру президента мог у нас он выиграть,

Сам поставив шляпу ветхую свою.

Мирная луна сияла нам в Уганде!

Мы играли, пока утро осветило стол;

Ветер от росы размяк,

Поезд наш давно ушел.

Ну какой еще смельчак

Стал играть бы в покер так

С тигром, что надел пиджак?

За семь центов снявши кресло на веранде...

Солдаты. Уже конец? Ну нет, так получается чертовски несправедливо.

- Разве это хороший конец? Так нельзя кончать.

- Подымай опять занавес! Продолжайте играть!

Полли. Это что еще значит? Ведь у нас уже пьеса кончилась, больше текста нет! Будьте благоразумны, пьеса окончена.

Солдат. Это величайшее бесстыдство. Такого я никогда еще не видел. Это же чистейшей воды халтура! Это противоречит здравому смыслу!

Группа солдат решительно поднимается на сцену.

Солдаты. Мы требуем, чтобы нам вернули деньги за билеты. Либо завершайте пьесу про слоненка приличным концом, либо в две секунды выкладывайте все монеты сюда на стол, понимаешь ты, месяц Куч-Бихара?

Яростные протесты.

Полли. Позвольте, мы решительно возражаем; здесь была показана чистейшая правда.

Солдат. Боюсь, что это мы вам сейчас покажем чистейшую правду.

Полли. Все потому, что вы не понимаете искусства, не умеете себя прилично вести с деятелями искусства.

Солдат. Хватит болтать!

Гэли Гэй (после зловещей паузы). Я хотел бы, чтоб меня правильно поняли. Надеюсь, вы не сомневаетесь в том, что я готов защищать все показанное здесь.

Полли. Bravo, начальник!

Гэли Гэй. Итак, чтоб все сразу было ясно - у меня есть предложение: тому чудаку, который особенно настойчиво требует деньги обратно, я предлагаю, не откладывая, провести со мной небольшой матч бокса на восемь раундов и в перчатках по четыре унции.

Солдаты. Не робей, Таунли!

- Утри хоботок этому слоненку!

Гэли Гэй. Ну что же, посмотрим; и, я надеюсь, тогда уж, дорогие мои, мы все увидим, правда ли то, что вам здесь показывали, и хороший ли это был спектакль или плохой.

Все уходят на боксерский матч.

ПРИМЕЧАНИЯ

I

О РЕЖИССУРЕ

Когда комедия "Что тот солдат, что этот" ставилась в Берлине {В Штаатстеатре (Государственном театре) в 1931 г.}, то для постановки этой пьесы-притчи были применены необычные средства. Солдата и сержанта с помощью ходулей и проволочных каркасов превратили в сверхъестественно высокие и сверхъестественно широкие чудища. На них надели полумаски и приделали им огромные руки. В конце концов и грузчик Гэли Гэй превращался в такое же чудовище.

Отчетливо были отделены друг от друга все четыре превращения (превращение солдата Джерайя Джипа в божество, превращение сержанта Ферчайлда в штатского, превращение трактира в пустое место, превращение грузчика Гэли Гэя в солдата).

Все части декорации служили одновременно и реквизитом. Так, например, в глубине сцены были установлены обтянутые холстом большие металлические рамы. И в то время, когда происходило превращение Гэли Гэя, на этих экранах возникали два изображения: Гэли Гэй до превращения и после него. Когда Гэли Гэй пробуждался после расстрела, он лежал под вторым экраном. Световым лучом на экране отмечались порядковые номера последовательных этапов превращения. Сцена была оборудована так, что, устранив некоторые части декорации, можно было полностью изменить обстановку.

Пока владелица трактира исполняла песню "о том, что в мире все течет", она успевала осуществить три дела. Сперва она убирала холщовые навесы. Не переставая петь и повернувшись лицом к публике, трактирщица шла вдоль рамы и палкой с железным крючком убирала два навеса. Затем она стирала их. Став на колени у отверстия в полу сцены, она опускала в него грязные куски холста, делала такие движения, словно полощет их в воде, после чего вытягивала уже чистые холсты; и наконец, в-третьих, она их складывала. Трактирщица и солдат Уриа Шелли растягивали холсты (от навесов) через всю сцену и складывали, держа их отвесно.

Превращение сержанта Ферчайлда в штатского (номер четвертый - А) отчетливо выделялось как вставной эпизод: до и после этой сцены опускался внутренний занавес. Помощник режиссера выходил на авансцену с текстом в руках и на протяжении всего эпизода читал вслух подзаголовки.

Вначале он объявлял: "Вставной эпизод: высокомерие и унижение великой личности".

После реплики "...ведь сейчас это штатский человек" он читал: "В то время как армия выступает в поход, сержант Ферчайлд из личных побуждений посещает вдову Бегбик".

После слов "Заткнись ты, штафирка!.." он читал: "Горький опыт не научил его. И в штатской одежде он все же попытался воздействовать на вдову, используя славу своего

солдатского имени".

После слов "...Пожалуйста, ради меня!" он читал: "Чтобы покорить вдову, он стал опрометчиво демонстрировать свое искусство стрелка".

После слов "Ни одна настоящая баба перед кровожадным мужчиной устоять не могла бы" он читал: "Замечательное деяние было лишено своей устрашающей силы".

После слов "...в соответствии с военной необходимостью пора укладывать трактир" он читал: "Несмотря на то, что сержанту настойчиво напоминали о его обязанностях, он продолжал добиваться исполнения своих желаний".

После слов "...чтобы его вид не деморализовал роту" он читал: "Итак, из-за непонятной настойчивости в преследовании своих личных целей он утратил великую славу, завоеванную долголетней службой".

(1931)

II

К ВОПРОСУ О КРИТЕРИЯХ, ПРИМЕНИМЫХ ДЛЯ ОЦЕНКИ АКТЕРСКОГО ИСКУССТВА

(ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ "БЕРЗЕН-КУРИР")

Те зрители, которые с интересом смотрели в Государственном театре пьесу "Что тот солдат, что этот" - в постановке, которая была объявлена "эпической", - высказывали самые противоречивые суждения об игре актера Лорре, исполнителя главной роли. Одни находили, что его манера игры совершенно правильна с точки зрения новых требований, и даже сочли эту манеру образцовой. Другие, напротив, полностью отвергали ее. Я лично принадлежу к первой группе. Чтобы не было недоразумений относительно принципиального значения этого вопроса и так как я наблюдал за всеми репетициями, то хочу прежде всего подчеркнуть, что особенности игры актера, которые так разочаровали некоторых зрителей, были отнюдь не следствием недостаточной его одаренности. Те, кто во время спектакля упрекали его в том, что ему якобы "не под силу именно ведущая роль", или в том, что он "недостаточно ясно и отчетливо доносит смысл произносимого", могли бы на первых репетициях обнаружить у него эти качества. И то обстоятельство, что во время спектакля отступили на задний план именно эти качества, которые считались раньше необходимыми свойствами большого, талантливого актера, отступили перед другими качествами, которых, как мне кажется, требует новое сценическое искусство, - это явилось результатом продуманной целеустремленной работы во время репетиций. Именно об этом, а не о чем-либо ином нужно судить, именно это и вызвало разногласия.

Для того чтобы по возможности упростить вполне определенную проблему, а именно: в какой мере можно считать, что те критерии для оценок актерского искусства, которые раньше были общепризнанными, теперь могут утратить свое господствующее значение вследствие некоего переворота во взглядах на назначение театра вообще, - ограничимся только двумя уже отмеченными главными возражениями против актера Лорре: что он недостаточно ясно передает смысл того, что говорит, и что он играет только отдельные эпизоды.

Надо думать, что возражения, вызываемые манерой речи, меньше всего относятся к первой половине пьесы, а главным образом ко второй, где столько продолжительных, монологов. А именно когда герой спорит против приговора, когда он говорит у стены перед расстрелом и когда произносит тираду о тождестве над ящиком-гробом. В первой части стиль его речи, полностью растворявшейся в системе жестов, не так привлекал внимание. А в этих сценах, когда он говорит непрерывно подолгу, тот же самый стиль показался уже недостаточным для передачи смысла, слишком монотонным. Итак, если эта манера речи не повредила в первой части, потому что не была распознана ее природа, рассчитанная на выработку системы жестов (хотя воздействие и ощущалось), то такое нераспознавание во второй части уже лишило ту же самую манеру речи ее действенности. Потому что здесь была выработана вполне определенная основа система жестов - и сущность этой основы выходила далеко за пределы содержания отдельных фраз. Хотя смысл этих фраз должен был быть только средством для понимания всей системы в целом. Содержание отдельных эпизодов

состояло из противоречий, и актер должен был стараться добиться того, чтобы зритель не погружался в эти противоречия, отождествляя актера с тем, что он изображает, а, напротив, наблюдал со стороны, извне. Нужно было создать возможно более объективное изображение противоречивого внутреннего процесса в его целостности. Поэтому отдельные фразы особенно выделялись как имеющие важное разъяснительное значение. Они громко выкрикивались, и самый выбор этих фраз был почти интеллектуальным действием. (Разумеется, такое действие тоже связано с творческим процессом.) Так было, например, когда произносились слова: "Я требую, чтобы все это прекратилось", "Но вчера вечером ведь шел дождь!" Таким образом, смысл этих слов не становился близок зрителю, а, напротив, удалялся от него, зрителем никак не руководили, ему предоставляли возможность самому совершать открытия. "Возражения против приговора" были, подобно стихотворению, разделены на отдельные строфы, и это позволило построить все так, что последовательно выдвигались самые разные аргументы. А то обстоятельство, что отдельные аргументы отнюдь не даны в логической последовательности, не только учитывалось, но даже специально использовалось. Нужно было создать впечатление, что некто просто читает написанную им в другое время защитную речь, не задумываясь над ее содержанием. И такое впечатление действительно возникло у зрителей, способных это воспринять. Все же я должен признать, что при первом просмотре можно было и не заметить истинного величия, с каким Лорре делал такую "инвентаризацию". Это может показаться странным. Ведь справедливо принято считать, что решающей силой обладает такое искусство, которое уже сразу заметно, а мы здесь называем великим то, что еще нужно искать и найти. И все же эпический театр имеет очень глубокие серьезные основания настаивать на такой переоценке критериев. Это определяется изменением общественного назначения театра, определяется тем, что в современном театре уже нельзя подходить к зрителю со старыми привычными мерилками. Нужно, чтобы не в театре возбуждался интерес зрителя, а чтобы он уже заинтересованным приходил на спектакль и здесь удовлетворял интерес, возникший ранее. (Поэтому и взгляды на "темп" следует пересмотреть применительно к эпическому театру. Мыслительные процессы, например, требуют совсем иного темпа, чем процессы эмоциональные, и не допускают одинакового во всех случаях дополнительного ускорения.)

Был произведен очень интересный эксперимент. Мы сняли небольшой фильм на спектакле. Причем снимали его с перерывами - запечатлев только главные поворотные пункты действия. В результате такого сокращения отчетливо выделилась система жестов и было очень убедительно показано, как замечательно передает Лорре именно в длинных монологах мимический смысл всего, что произносится (да и того, что вовсе не произносится).

Что же касается второго возражения, то можно предположить, что эпический театр, основанный на совершенно ином отношении к индивидуальности, попросту устраняет понятие "ведущей, роли". Здесь пьеса уже не "ведется" в прежнем смысле этого слова. Известная способность развивать главную роль как некое последовательное и внутренне развивающееся единство - способность, отличавшая актеров старой школы, - теперь уже не имеет такого значения. Тем не менее эпический актер должен обладать еще лучше "поставленным дыханием", чем это требовалось от актера старой школы, потому что сегодня ему необходимо соблюдать единство образа вопреки всем переломам и скачкам в развитии действия, вернее, даже именно посредством их, ибо все определяется развитием, течением; нужно отчетливо показать отдельные фазы, и для этого необходимо их расчленить, однако нельзя осуществлять такое расчленение механически. Нужно создать совершенно новые закономерности сценического искусства (играть "наперекор", предоставлять другим персонажам характеризовать себя и т. д.). Когда Лорре в некий вполне определенный момент накладывает себе на лицо белила (вместо того чтобы, играя все более "изнутри", самому поддаваться страху смерти), он может показаться сперва только "эпизодистом". Но в действительности это совсем не так. Он по меньшей мере помогает драматургу выделить, подчеркнуть требуемое. Но, по существу, он делает много больше. Развитие образа

тщательно разделено на четыре фазы, для чего используются четыре маски (лицо грузчика, которое сохраняется еще и в начале "суда" над ним, "естественное" лицо - до момента пробуждения после расстрела; маска "чистого листа" - до превращения после надгробной речи; лицо солдата - в конце). Представление о проделанной работе могут дать такие, например, детали: возникли разногласия из-за того, в какой именно фазе превращения (во второй или в третьей) следует покрывать лицо белилами. Лорре после долгих размышлений пришел к выводу, что в третьей фазе, так как эта фаза "самая решающая и самая напряженная". Сопоставляя страх смерти и страх жизни, он предпочел считать более глубоким страх жизни.

Стремление эпического актера выделять определенные моменты, характеризующие взаимоотношения людей (олицетворять общественную среду в конкретных образах), также может привести к ошибочному выводу, что у такого актера вообще короткое дыхание и он способен играть лишь эпизоды. Но это возможно, только если не замечать, как он связывает между собой отдельные моменты, включая их в общий поток своей роли. В противоположность актеру традиционного драматического театра, который уже в самом начале обладает определенным характером и просто показывает его в столкновениях с невзгодами, создающими трагический конфликт, - эпический актер изображает возникновение характера своего героя на глазах у зрителя, изображает тем, как он показывает его поведение. Из того, "как он дает себя завербовать", "как он продает слона", "как он ведет себя на суде", возникает отнюдь не некий неизменный образ, а, напротив, постоянно, меняющийся и все более отчетливо характеризующийся именно тем, "как он меняется". Все это не сразу становится ясным зрителю, привыкшему к иному стилю игры. Многие ли зрители способны настолько освободиться от потребности в "захватывающе увлекательном" зрелище, чтобы заметить, как эпический актер использует различные формы поведения в сходных ситуациях? Например, когда его определенным жестом приглашают подойти к стене, чтобы он переоделся, а в другом случае точь-в-точь таким же жестом приглашают к той же стене, чтобы его расстрелять? В данном случае требуется, чтобы зритель как бы уподобился тому читателю, который листает книгу, сравнивая различные места. Актеру эпического театра необходимы совершенно иные средства самоограничения, чем актеру драматического. (Впрочем, и актер Чаплин во многом больше соответствует требованиям эпического театра, чем драматического.)

Возможно, что эпический театр более других требует априорного доверия, для того чтобы полностью показать свою силу, и на этот вопрос следует обратить внимание. Может быть, нужно, чтобы события, которые изображает эпический актер, были уже заранее известны. Для этого в первую очередь более всего подходят исторические события. Пожалуй, хорошо было бы иметь возможность сравнивать такого актера с другими актерами, исполняющими ту же роль. Если все это и еще что-либо иное требуется, чтобы обеспечить действенность эпического театра, то, значит, это необходимо организовать.

(1931)

III

К ВОПРОСУ О КОНКРЕТИЗАЦИИ

Притча "Что тот солдат, что этот" может быть конкретизирована без больших усилий. Превращение мелкого буржуа Гэли Гэя в "человекообразную боевую машину" может происходить вместо Индии в Германии. Вместо сосредоточения войск в Килькоа можно показать партийный съезд нацистов в Нюрнберге. Вместо слона Билли Хамфа может быть показана украденная у частного лица автомашина, ставшая собственностью штурмовиков. Грабеж со взломом может быть произведен не в пагоде господина Вана, а в лавке еврейского торговца. Тогда Джип был бы нанят лавочником в качестве арийского компаньона. А запрещение наносить явный ущерб еврейской собственности можно было бы обосновать присутствием английских журналистов.

(1936)

КОММЕНТАРИИ

Переводы пьес сделаны по изданию: Bertolt Brecht, Stucke, Bande I-XII, Berlin, Auibau-Verlag, 1955-1959.

Статьи и стихи о театре даются в основном по изданию: Bertolt Brecht. Schriften zum Theater, Berlin u. Frankfurt a/M, Suhrkamp Verlag, 1957.

ЧТО ТОТ СОЛДАТ, ЧТО ЭТОТ

(Mann ist Mann)

Пьеса написана в 1924-1926 гг., издана в Берлине в 1926 г. На русский язык переводится впервые.

При создании этой пьесы Брехт испытал известное влияние писателя Альфреда Деблина (1878-1957), автора романа "Три прыжка Ван Луна" (1915). Литературным фоном для пьесы "Что тот солдат, что этот", по мнению исследователя Брехта Э. Шумахера; послужили баллады английского поэта Р. Киплинга. Так, приключению четырех солдат во второй сцене соответствует баллада "Молодой британский солдат". Пьеса Брехта представляет собой полемику со стремлением Киплинга героизировать английских солдат колониальных войск (см.: Ernst Schumacher, Die dramatischen Versuche Bertolt Brechts 1918-1933, Berlin, 1955, S. 114-116).

Б. Брехт дал интересный комментарий к собственному произведению в "Предисловии к радиопостановке пьесы "Что тот солдат, что этот" (журн. "Die Szene", 1927, стр. 111). О Гэли Гэе Брехт писал: "Видно, что он многое привык переносить. Он очень редко может позволить себе иметь собственное мнение. Скажем (как вы услышите), ему предлагают купить для перепродажи явно ненастоящего слона, и он удержится от высказывания какого бы то ни было мнения об этом слоне, если только будет знать, что тут присутствует возможный покупатель. Я думаю, вы привыкли считать очень слабым человека, который не может сказать "нет", а вот Гэли Гэй - ничуть не слабый; напротив - он самый сильный. Правда, он становится самым сильным лишь после того, как он перестал быть частным лицом, он становится сильным, только слившись с массой". Таким образом, Брехт сам раскрывает социальный смысл своей драматургической притчи: дурная "коллективность", создаваемая капитализмом, враждебна личности, нивелирует ее, превращает человека в машину. Еще точнее - в другой статье, 1954 г.: "Проблема пьесы - ложный, дурной коллектив ("банда") и его развращающий характер, тот коллектив, который в эти годы создали Гитлер и его хозяева, эксплуатируя неопределенную тягу мелких буржуа к исторически зрелому, подлинному социальному коллективу рабочих" ("Aufbau", November 1954, S. 962).

Первое представление пьесы состоялось в Дармштадте 26 сентября 1926 г. Режиссер - Якоб Гейс, художник - Каспар Неер. В роли Гэли Гэя выступил главный режиссер театра, известный комедийный актер Эрнст Легаль.

В этом спектакле К. Неер впервые применил занавес, закрывающий лишь нижнюю половину сцены и позволяющий зрителю видеть перемену декораций, впоследствии такой занавес стал широко использоваться в брехтовских спектаклях. Якоб Гейс писал тогда же о том, что ведущей мыслью его спектакля было "обнаружить скрытый смысл пьесы, представив явный смысл как можно отчетливее глазам зрителя". Однако, замечал Гейс, замысел не вполне удался "вместо естественно движущегося жизненного потока перед публикой была машина, которая шла вперед рывками". Особенно неудачными режиссеру представлялись переходы от пения к диалогам. Я. Гейс видел в этом первом воплощении брехтовской пьесы лишь начало пути, по которому пойдет современный театр (см.: Якоб Гейс, Моя постановка пьесы Бертольта Брехта "Что тот солдат, что этот", Дармштадт, "Ландестеатер". - "Die Szene", 1926, S. 300-301).

Буржуазная критика обрушилась на спектакль. Бернгард Дибольд наивно увидел в самом названии пьесы "большевистский лозунг" ("Die Literatur", 1926, S. 163).

Тогда же, в 1926 г., - постановка в Дюссельдорфском городском театре. Режиссер - Иозеф Мюнх, композитор - Форман, художник - Гарри Бройер (задник был составлен из английских флагов, висевших на веревке, как мокрое белье). В роли Гэли Гэя выступил Эвальд Бальзер.

5 января 1928 г. - премьера в Берлине, в "Фолькбюне". Режиссер - Эрих Энгель, художник - Каспар Неер. В спектакле были широко использованы кино и вертящаяся сцена. В роли Гэя выступил Генрих Георге, в роли вдовы Бегбик Елена Вайгель, впоследствии знаменитая актриса, руководитель брехтовского театра "Берлинский ансамбль". Дебютируя в этой пьесе Брехта, она сумела придать второстепенной роли, исполненной ею, огромный сатирический и социальный смысл.

Музыку к этому известному спектаклю написал Эдуард Мейзель.

Пресса шумно и весьма разноречиво оценила спектакль. Современный буржуазный обозреватель писал: "Что тот солдат, что этот" Берта Брехта наконец достиг и Берлина. Оценка спектакля ведет к стычкам критиков. Правда, Керр признает, что "в новом спектакле убраны все бессмысленности, портившие представление в Дармштадте", но все же он говорит о "пресности, безобидности, которая становится незначительностью". В противоположность Керру Иеринг сообщал о "громадном успехе": "нескончаемые аплодисменты заставляли Брехта, Энгеля и Георге выходить к зрителю, когда уже был погашен свет и опущен железный занавес". Монти Якобе считает, что "эта незначительная пьеса дает нам лишь слабое представление о богатстве Берта Брехта". А Франц Кепен пишет, что "комедия Брехта, давно уже утвердившая себя в провинции, теперь оказалась окончательно санкционированной берлинской "Фольксбюне" ("Das Theater", 1928, 15 января).

Центральный орган КПГ "Роте фане" писал в связи с берлинским спектаклем: "Чего же, однако, не хватает этой комедии? Автор ее не вышел за пределы _сентиментального_ антимилитаризма и разоблачения легенды о героях, не достиг идеологически отчетливой критики империалистов - закулисных кукловодов, руководителей этих подонков. Во многих местах пьесы настоятельно необходимо было приблизиться к классовым боям нашей эпохи, чтобы реальное ее влияние было сильнее. Следует еще раз подчеркнуть большое дарование поэта Берта Брехта..." ("Die Rote Fahne", Berlin, 1928, 6 января).

6 февраля 1931 г. состоялась премьера в берлинском "Штаатстеатер". В качестве режиссера здесь выступил сам драматург совместно с режиссером Дармштадтского театра Эрнстом Легалем (впрочем, последний, не разделяя мыслей Брехта об "эпическом" спектакле, в процессе работы отказался от сотрудничества).

Роль вдовы Бегбик снова исполняла Елена Вайгель, роль Гэли Гэя - Петер Лорре. Музыка написал Курт Вейль, художник К. Неер заменил все прежние декорации (см. стр. 156-157).

Критики писали о "театральном скандале", вызванном этим выступлением Брехта в роли режиссера. В частности, издатель "Die literarische Welt" Вилли Хаас настаивал на прямой связи между драматургией и режиссурой Брехта и его общественными воззрениями, его "суммарно-обобщенным взглядом на мир" ("Die literarische Welt", 1931, 12 января). Последствием скандала было то, что спектакль вскоре сняли с репертуара.

В последние годы пьеса игралась в различных театрах ГДР - в городах Росток, Гера, Дебельн и Эйзенах.

Стр. 68. ...в городе ее величества... - Королева Великобритании Виктория была в 1876 г. провозглашена императрицей Индии. Впрочем, действие пьесы происходит в 1925 г., в год правления короля Георга V, и Брехт здесь как обычно - сознательно допускает явный анахронизм.

Стр. 152. Уганда - страна в Восточной Африке, британский протекторат, территория которого была захвачена английскими империалистами в конце XIX в.

Стр. 153. Шкуру президента... - Имеется в виду президент бурской республики Трансвааль Паулюс Крюгер (1883-1902). Уганда никакого отношения к бурским республикам не имела, и президент Крюгер выступает здесь как символический образ борца против колониализма.

Е. Эткинд

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке Royallib.ru](http://Royallib.ru)

Оставить отзыв о книге
Все книги автора